

Материалы к биографиям ученых и инженеров *Materials for the Biographies of Scientists and Engineers*

РОКОВОЙ ВЫБОР: Т. И. РАЙНОВ МЕЖДУ ИСТОРИЕЙ НАУКИ И ВОСТОКОВЕДЕНИЕМ

СИМОН СЕМЕНОВИЧ ИЛИЗАРОВ *

В статье рассматривается жизнь и деятельность крупнейшего русского историка науки и мыслителя XX столетия Т. И. Райнова в период с 1940 по 1947 г. В это время в суровых условиях советской действительности ученый продолжал поиск способов реализации своих творческих интересов и устремлений. Его путь пролегал между историей науки (историей научной мысли) и востоковедением, между созданным в 1944/45 г. Институтом истории естествознания АН СССР и Институтом востоковедения АН СССР. Выбор Райнова, вставший перед ним вследствие административного запрета на совмещение мест работы, оказался роковым.

На документальной основе реконструируется ранее неизученная деятельность Райнова по созданию в Москве академического центра востоковедения. Параллельно с этим в 1940-е гг. ученый немало сил и энергии также отдавал крупнейшему археографическому проекту – серии «Научное наследство» и организации в Отделении истории и философии АН СССР Комиссии по истории исторических наук. Рассматриваются взаимоотношения Райнова с академиками В. Л. Комаровым, И. Ю. Крачковским, Н. И. Конрадом, С. И. Вавиловым и др.

Ключевые слова: история науки, востоковедение, арабистика, историография, Т. И. Райнов, В. Л. Комаров, И. Ю. Крачковский, Институт истории естествознания, Институт востоковедения, Московская группа Института востоковедения.

A FATAL CHOICE: T. I. RAINOV BETWEEN HISTORY OF SCIENCE AND ORIENTAL STUDIES

SIMON SEMENOVICH ILIZAROV [□]

This paper reviews the life and activities of T. I. Rainov, the most prominent Russian historian of science and thinker in the 20th century, during the period from 1940 to 1947. In harsh conditions of the Soviet reality, the scientist continued to look for the ways to pursue his creative interests and aspirations. His path ran between history of science (history of scientific thought) and oriental studies, between the Institute

---

* Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН. Россия, 125315, Москва, ул. Балтийская, д. 14. E-mail: sinsja@mail.ru.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 14–03–00830.

[□] S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences. Ul. Baltiyskaya, 14, Moscow, 125315, Russia. E-mail: sinsja@mail.ru.

for the History of Science of the USSR Academy of Sciences that was created in 1944/45 and the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences. The administrative prohibition of holding jobs at more than one institution simultaneously threw Rainov into a dilemma that turned out to be fatal for him.

Previously unexamined activities of Rainov, associated with the creation of the Center for Oriental Studies in Moscow, were reconstructed based on the documentary evidence. In parallel, in the 1940s, the scientist devoted much effort and energy to the biggest archeographic project, the Scientific Heritage series, and to the organization of a Commission on the History of Historical Sciences at the History and Philosophy Division of the USSR Academy of Sciences. This paper addresses Rainov's relationships with academicians V. L. Komarov, I. Yu. Krachkovskii, N. I. Konrad, S. I. Vavilov and others.

Keywords: history of science, oriental studies, Arab studies, historiography, T. I. Rainov, V. L. Komarov, I. Yu. Krachkovskii, Institute for the History of Science, Institute of Oriental Studies, Moscow Group of the Institute of Oriental Studies.

Ваша книга заражает радостным авантюризмом познания, бегом мысли в погоню за живыми загадками жизни и мысли, она приближает дальше, конкретизирует неуловимое, будит ощущение расширяющихся сочувствий и наполняет душу чувством полноты, богатства и содержательной радости.

Т. И. Райнов. Из письма И. Ю. Крачковскому (29 августа 1950 г., Териоки)

К своим пятидесяти годам Тимофей Иванович Райнов (1890–1958) был не просто сложившимся историком науки, а одним из наиболее крупных и признанных профессионалов, творческий потенциал которого был поистине безграничен¹. Его знания, эрудиция, умение мыслить и сочинять оригинальные, глубокие и почти безупречные по достоверности историко-научные и науковедческие тексты были оценены и признаны многими.

К началу сороковых годов Райнов издал свой основной (среди опубликованных работ по истории науки) труд «Наука в России XI–XVII вв.», который 12 мая 1941 г. был защищен им как докторская диссертация на историческом факультете Московского университета. Это была первая докторская защита по истории науки, в организации и проведении которой принимали участие такие выдающиеся историки, как С. В. Бахрушин, Б. Д. Греков, Д. С. Сказкин, Н. Л. Рубинштейн и др. Здесь же, на истфаке МГУ, с 1939 по 1941 г. профессор Райнов читал лекции по общей истории науки; после расшифровки стенограмм прочитанный курс составил свыше 1500 машинописных листов архивного хранения. Параллельно как крупнейшего специалиста в области

¹ В XX столетии среди современников рядом с Т. И. Райновым по эрудиции и широте исследовательского диапазона может быть поставлен только В. П. Зубов, кстати, его коллега еще по Коммунистической академии и Государственной академии художественных наук. О первом периоде жизни Райнова (1890–1930-е гг.) см.: *Илизаров С. С.* Неизвестное о малоизвестном: Т. И. Райнов и В. И. Вернадский // *ВИЕТ*. 2013. № 4. С. 97–137; *Илизаров С. С.* Историк науки Т. И. Райнов – ученик А. С. Лаппо-Данилевского // *Клио*. 2013. № 12. С. 136–140.

*Г. И. Райнов (фотопортрет из собрания
А. И. Неусыхина)*

научной библиографии его приглашали к сотрудничеству научная библиотека МГУ и Всесоюзная государственная библиотека им. В. И. Ленина (ГБЛ).

Драматическое закрытие в феврале 1938 г. Института истории науки и техники АН СССР (ИИИТ) внешне не очень сильно отразилось на Райнове. Более того, он предпринимал усилия по продолжению ряда проектов, начатых им там ранее. Так, в частности, он предлагал академику С. И. Вавилову «взять под свое покровительство» и формально возглавить подготовку сборника «Очерки по истории естествознания XVI – первой половины XVIII в.» (четвертый том «Всеобщей истории естествознания»), для которого уже были написаны и собраны почти все разделы. Ответ на это предложение неизвестен, но не исключено, что он мог быть дан в устной форме и, видимо, отрицательный, поскольку такой

сборник не увидел свет. Тем не менее усилия Райнова по продолжению столь успешно начатых в ИИИТ работ не остались незамеченными, и он при поддержке президента АН СССР В. Л. Комарова приступил к подготовке первых томов археографической серии «Научное наследство». Трудно сказать, как складывалась бы дальнейшая научная карьера и в каком направлении шли бы изыскания ученого, если бы не разразившаяся мировая война и нападение Германии на СССР.

Райнов в Ташкенте: на пути в профессиональное востоковедение

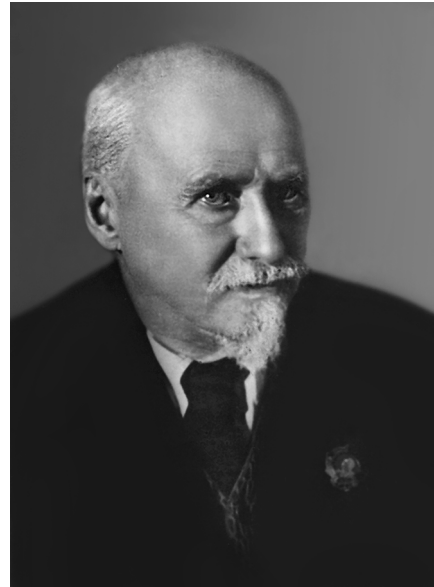
1 ноября 1941 г. решением Президиума АН СССР Райнов с семьей в составе трех человек эвакуировался по вызову Комарова «для выполнения специального задания» в Свердловск². Причем в удостоверении Райнов назывался научным сотрудником, а в командировочном предписании – редактором журнала «Научное наследство». Несколькими днями ранее, 29 октября, Райнов представил в ГБЛ заявление об увольнении в связи с тем, что он как сотрудник АН СССР и МГУ должен эвакуироваться в Среднюю Азию³.

В Свердловск Райнов не попал, а вместе с академическими историками оказался в Ташкенте, где с ноября 1941 по 14 июня 1943 г. работал старшим

² Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 441. Карт. 1. Д. 4. Л. 6, 7.

³ Архив Российской государственной библиотеки (Архив РГБ). Оп. 201. Д. 159. Л. 14–14 об.

научным сотрудником Института языка, литературы и истории Узбекского филиала АН СССР. Президент Академии наук тем не менее не оставлял Райнова своим вниманием. Так, 10 декабря 1941 г. он из Свердловска направил руководителю филиала Т. Н. Кары-Ниязову правительственную телеграмму с просьбой «обеспечить условия жизни работу узбекском филиале профессору Райнову»⁴. Просьба была исполнена: Райнов жил в Ташкенте по адресу: улица Ленина, д. 35, кв. 1 в соответствии с условиями того времени относительно хорошо. Параллельно с работой в Институте языка, литературы и истории в период с января 1942 по июль 1943 г. он читал в Среднеазиатском государственном университете курсы лекций: «История науки в странах Древнего Востока и греко-римского мира» (на историческом факультете) и «История геолого-географического изучения Средней Азии в связи с общей историей геолого-минералогических наук» (на геолого-географическом факультете)⁵. Здесь уместно отметить, что в начале февраля 1942 г. ВАК, находившийся тогда в Томске, утвердил присуждение Райнову ученой степени доктора исторических наук.

Владимир Леонтьевич Комаров (1869–1945), президент АН СССР (1936–1945), создатель и первый директор Института истории естествознания АН СССР (1945), инициатор создания серии «Научное наследство»

У нас практически нет информации о том, продолжались ли в период эвакуации работы (и с какой интенсивностью) над серией «Научное наследство». Очевидно, с этим связана правительственная телеграмма Комарова от 14 июня 1942 г., отправленная из Пржевальска Кары-Ниязову с требованием командирования Райнова в Алма-Ату для «переговоров со мною по выполнению срочного задания». Позднее, когда Райнов был уже в Москве, президент Академии наук телеграфировал: «Немедленно выезжайте Свердловск для работы по англо-американскому тому н[аучного] н[аследства]»⁶.

Находясь в Ташкенте и получив возможность непосредственного соприкосновения с местными памятниками культуры, со специфическими природным, лингвистическим и антропологическим ландшафтами, пытливым и творчески активный Райнов стал наибольшее внимание уделять истории восточной мусульманской культуры. По этому направлению исследований у него уже был существенный задел. Так, например, в лекционном курсе в МГУ немалое место отводилось развитию науки на мусульманском средневековом Востоке

⁴ ОР РГБ. Ф. 441. Карг. 15. Д. 49. Л. 1.

⁵ ОР РГБ. Ф. 441. Карг. 1. Д. 4. Л. 10.

⁶ ОР РГБ. Ф. 441. Карг. 15. Д. 49. Л. 3, 4.

и историографическому анализу данного направления. Эта часть мировой истории, отмеченная ярчайшим феноменом взрывного развития научных знаний, протекавшим в четко очерченный локальный временной период, сменившимся столь же неожиданной стагнацией, позволяла Райнову вернуться к своей главной теме – философии и истории идей – и при этом находиться, как ему виделось, в относительной идеологической безопасности. Райнов, любивший и умевший много и интенсивно работать, особенно в новых исследовательских направлениях, с 15 июня (1 июля?) 1942 г. стал еще и сотрудником Института востоковедения АН СССР (ИВАН)⁷, перемещенного в Ташкент из Ленинграда.

Эвакуация Института востоковедения проходила сложно и драматично. Первоначально в конце августа 1941 г. планировалось вывезти сотрудников в Томск, но быстрое продвижение германских войск и установление блокады Ленинграда сделали невозможной реализацию данного плана. В период августа – ноября самолетом были вывезены в Боровое члены АН СССР. Академик И. Ю. Крачковский, отказавшийся от эвакуации, только 25 июля 1942 г. вместе с В. А. Крачковской по специальной директиве вице-президента АН СССР Л. А. Орбели был вывезен самолетом из Ленинграда в Москву⁸. Некоторые сотрудники ИВАН сумели покинуть город самостоятельно; в феврале – марте 1942 г. около двадцати человек удалось вывезти по Дороге жизни. 12 июля 1942 г. последняя группа была эвакуирована из Ленинграда в Ташкент⁹. Несмотря на непростые условия военного времени, в Ташкенте востоковедами проводилась определенная работа. В ИВАНе существовал ученый совет под руководством академика В. В. Струве, в который входили три члена-корреспондента АН СССР (Е. Э. Бертельс, М. С. Андреев, А. Ю. Якубовский), два члена-корреспондента АН УзССР (А. А. Семенов и А. К. Боровков), два доктора наук (Н. В. Ернштедт, Я. Б. Радуль-Затуловский) и кандидат наук (Д. И. Тихонов – секретарь)¹⁰.

Трудно сказать, как был воспринят Райнов профессиональными востоковедами, которые, как и любая относительно замкнутая корпорация, могли весьма напряженно отнестись к «чужаку». Кстати, сам Райнов чувствовал и понимал сложность и неустойчивость своей позиции, о чем свидетельствуют его письма к жене. Быть востоковедом и не знать ни одного восточного языка – ситуация в среде востоковедов почти невыносимая тогда, да и сегодня тоже, даже если ты не филолог, а историк научных знаний или философских идей. Однако его научный кругозор, умение ставить и решать нетривиальные, оригинальные научные проблемы, превосходное знание западноевропейской литературы и опубликованных источников, опыт анализа развития научных знаний, аналитический ум, разнообразие методологического арсенала

⁷ ОР РГБ. Ф. 441. Карг. 1. Д. 4. Л. 16.

⁸ *Долинина А. А.* «Невольник долга» (научная биография академика И. Ю. Крачковского). СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1994. С. 326.

⁹ Институт востоковедения в 1945 г. Воспоминания сотрудников (запись и редакция Д. Е. Бертельса). Предисловие и публикация С. И. Марахоновой // Труды Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН. М.: Восточная литература, 2011. Вып. 1. Труды востоковедов в годы блокады Ленинграда (1941–1944). С. 320.

¹⁰ Архив РАН (АРАН). Ф. 456. Оп. 4. Д. 35. Л. 3.

позволяли быть «на равных» практически в любой научной сфере, не говоря уже о социогуманитарных науках.

Известно о частых выступлениях Райнова на научных заседаниях в ИВАНе и сделанных им нескольких научных докладах. Так, 1 февраля 1943 г. он выступал с большой и оригинальной работой «О методах учета знаний по памятникам материальной культуры в Средней Азии», в которой демонстрировал подходы к прочтению истории научно-технических знаний, представленных исключительно памятниками материальной культуры¹¹.

В мае 1943 г. Райнов завершил работу над небольшой (около 6 п. л.) книгой-очерком «Абу Али Ибн-Сина (Авиценна). Его жизнь и научно-философская деятельность». Как отмечал автор, краткая характеристика жизни и деятельности Авиценны была написана им исходя из убеждения, что подлинная «жизнь» ученого и философа заключается в его научной и философской деятельности, а все «внешнее» в такой жизни находит себе настоящее и стоящее внимания выражение во «внутреннем», в содержании и развитии его идей¹².

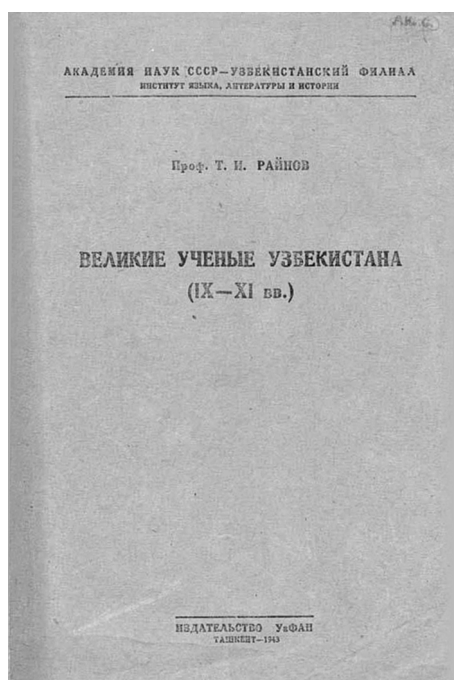
Рукопись книги попала на экспертизу к востоковеду-иранисту, члену-корреспонденту АН СССР Е. Э. Бертельсу, который весьма резко раскритиковал работу. По мнению рецензента, книга получилась безадресная: если это популярная работа, то почему она приняла такие «крупные размеры» и почему, продолжал Бертельс, различные догадки и предположения в ней высказываются в категорической форме, как незыблемые положения науки? Если же она предназначена для специалистов, то почему тогда полностью отсутствуют ссылки? Справедливости ради надо отметить, что в работе Райнова в конце был дан обзор необходимой литературы. Более значимым было другое замечание рецензента: автор, пользуясь пособиями на многих европейских языках, не унифицировал транскрипцию арабских слов, и потому арабские имена предстают в его работе в хаотическом виде¹³. Последнее указывало на недостаточный к тому времени профессионализм Райнова как востоковеда, хотя в процессе редакционной подготовки эти огрехи при желании могли быть легко устранимы.

Ученый секретарь Института языка, литературы и истории АН УзССР профессор И. И. Полосин, препровождая 18 июля 1943 г. отзыв Бертельса, спрашивал Райнова о времени, необходимом для исправления рукописи. Как бы то ни было, книга об Авиценне не увидела света, и ее рукопись с незначительными лакунами до сих пор хранится в архиве. Ответ на вопрос, почему Райнов не стал дорабатывать книгу об Авиценне, скорее всего, связан с переездом в Москву, новыми идеями и планами дальнейшего изучения истории знаний на средневековом Востоке. Кроме этого, в 1943 г. в Ташкенте под грифом Института языка, литературы и истории и под редакцией Струве была издана небольшая книга-брошюра Райнова «Великие ученые Узбекистана (IX–XI вв.)». Данная работа построена как своеобразный четырехчастный диптих: биографические очерки об аль-Фараби и Ибн Сине; аль-Хорезми и аль-Бируни. Соответственно

¹¹ ОР РГБ. Ф. 441. Карт. 6. Д. 1. Текст данной работы Райнова в сокращении впервые опубликован Н. К. Гаврюшиным в сб.: Памятники науки и техники. 1986. М.: Наука, 1987. С. 182–203.

¹² ОР РГБ. Ф. 441. Карт. 6. Д. 3. Л. 3.

¹³ Там же. Л. 1–1 об.

Райнов Т. И. Великие ученые Узбекистана (IX–XI вв.). Ташкент, 1943. Титульный лист

рассматривались научно-философские идеи аль-Фараби и Ибн Сины и ученая деятельность аль-Хорезми и аль-Бируни. Книга примечательна не столько структурой, сколько новизной, постановкой задачи воскресить из забвения историю знаний и всей культуры на территории Средней Азии. Исследуя жизнь и творчество крупнейших ученых средневекового Востока, Райнов пришел к вполне определенному обобщающему положению:

Никакая культура не могла и не может развиваться без накопления и утилизации знаний. Если порою кажется, что в Средней Азии этих знаний всегда было мало, что они были лишены органического, внутреннего развития, это от того, что мы не ищем эти знания, не умеем их понимать и фиксировать [...] Всюду, где разворачивалась более или менее сложная общественная жизнь и культура, не обходилось без участия роста и углубления знаний, облекавшихся, правда, в исторически различ-

ные формы, но по содержанию связанных единством задач, тенденций и познавательных возможностей¹⁴.

По выходе в свет книга Райнова была отмечена развернутой статьей в газете «Правда Востока», а в 1946 г. в журнале «Вопросы истории» (№ 2–3, с. 144–145) М. М. Дьяконов опубликовал научный разбор этого труда. В 1947 г. Крачковский характеризовал книгу как очень интересный опыт построения широкой синтезирующей картины. Много лет спустя М. М. Хайруллаев – автор монографии об аль-Фараби, опубликованной в серии «Научно-биографическая литература», – отзывался о «Великих ученых Узбекистана» Райнова как о небольшой, но содержательной работе, которая в годы сражения с германским фашизмом кроме научного имела и важное идеологическое значение¹⁵.

Следует отметить, что в ташкентский период, т.е. примерно всего за год-полтора, Райнов подготовил серию работ по истории знаний на мусульманском Востоке общим объемом порядка двадцати авторских листов, и в Москву он возвращался с новыми идеями и темами, среди которых главная – книга об аль-Фараби.

¹⁴ Райнов Т. И. Великие ученые Узбекистана (IX–XI вв.). Ташкент: Изд-во УзФАН, 1943. С. 66.

¹⁵ Хайруллаев М. М. Абу Наср ал-Фараби. 873–950. М.: Наука, 1982. С. 84. Автору, видимо, не было известно, что Райнов написал фундаментальную монографию об ал-Фараби, оставшуюся неизданной.

В первые военные годы образовались несколько востоковедческих центров – в осажденном Ленинграде, в котором оставалась часть сотрудников ИВАНА, в Ташкенте, где наряду со среднеазиатскими специалистами группировалась часть исследователей ленинградского ИВАНА, и в Москве. В Казахстане, на курорте Боровое, находился крупнейший русский синолог академик В. М. Алексеев¹⁶. После переезда из Ленинграда в Москву вокруг Крачковского быстро образовался востоковедческий центр, и в результате 22 октября 1943 г. решением бюро Отделения литературы и языка АН СССР официально была утверждена Московская группа Института востоковедения¹⁷. И поскольку новое для себя направление – исследование истории идей на мусульманском средневековом Востоке – теперь можно было изучать в освобожденной от военной угрозы Москве и под руководством великого ученого–гуманиста и самого авторитетного арабиста Крачковского, то, начиная с этого времени, Райнов предпринимает все меры к тому, чтобы вырваться из Ташкента. Однако в условиях военного времени возвращение домой оказалось делом трудно решаемым. Письма Райнова к жене, которая как врач в январе 1943 г. вынуждена была покинуть Ташкент и вернуться в Москву, наполнены его бесчисленными поручениями и просьбами.

Активность Райнова в поисках способов и вариантов возвращения в Москву совпадает с общим психологическим состоянием ученых, эвакуированных в разные города страны. Это отмечено в дневниковой записи С. И. Вавилова, сделанной им в Йошкар-Оле 26 февраля 1943 г.:

Вернулся сегодня из Казани. В академии развал. По примеру вице-президентов начинают всеми правдами и неправдами диффундировать в Москву, поодиночке, группами, лабораториями. Вовсе не из-за патристических порывов, а для охраны собственных квартир, захвата зданий, теплых мест. В результате в Казани в академических институтах работа почти прекратилась, хлопочут о вагонах, билетах, пропусках, упаковываются и все нервозно дрожат, как бы их не обогнали¹⁸.

Возбуждение, охватившее тогда эвакуированных москвичей и ленинградцев, вполне понятное стремление быстрее вернуться домой, видимо, подмечено верно, но мизантропический склад личности автора процитированного текста не позволяет воспринимать это свидетельство и его оценки как безусловно достоверные¹⁹. Это наглядно видно на примере ситуации с Райновым, у которого не было проблем с квартирным вопросом, и он никогда не стремился к «захвату» «теплых мест». Для Райнова побудительные мотивы к скорейшему возвращению в Москву – желание интенсивно и плодотворно работать

¹⁶ Подробнее см.: *Долинина*. «Невольник долга»...

¹⁷ Крачковский Игнатий Юлианович (1883–1951): библиографический указатель / Отв. ред. Н. В. Колпакова. СПб.: БАН, 2007. С. 11. Постановление Президиума АН СССР о Московской группе ИВАНА было принято 28 декабря 1943 г. (по другим данным это произошло 9 февраля 1944 г.).

¹⁸ *Вавилов С. И. Дневники, 1909–1951*: в 2 кн. М.: Наука, 2012. Кн. 2. С. 170–171.

¹⁹ Однажды Вавилов, спустившись в метро и увидев «тысяч 20» москвичей, через пару дней записал: «Манекены с выхолощенными душами» (с. 179). Подобных и куда более резких высказываний множество; в дневниковых записях они доминируют.

Свидетельство № 1567/44
(БЕССРОЧНОЕ)
(хранить наравне с военным билетом)
Об освобождении от воинской обязанности

Выдано настоящее свидетельство
СТАЛИНСКИЙ РАЙВОЕНКОМАТ
(каким РВК, в каком городе)
Ташкент

военнообязанному 1888 года рождения
Райнову Тимофееву Ива-
(фамилия, имя, отчество)
Новицу состава запаса
категории ВУС №
уроженцу 2 Болград
(область, города)
Бессарабской губ.
(района, села)

В том, что он по освидетельствованию
17 февраля 1943 года
комиссией при
СТАЛИНСКИЙ РАЙВОЕНКОМАТ
или горисполком
признан негодным к несению воинской
обязанности с исключением с учета по
р. 2 ст. 98² расписания болезней
приказа НКО СССР 1942 г. № 336
и снят с воинского учета.
Подлежит переосвидетельствованию
через

М. П.
НОВОУСЕНСКИЙ РАЙОННЫЙ ВОЕННЫЙ КОМИССАРИАТ
17 февраля 1943 г.

Свидетельство Т. И. Райнова об освобождении от воинской службы, 17 февраля 1943 г., Ташкент

(= думать), иметь доступ к источникам ретроспективной информации и новейшей научной литературе, к непосредственному общению с близкими по духу людьми и, самое главное, воссоединение с любимым человеком. Периоды разлуки были для обоих – и Тимофея Ивановича, и Евгении Борисовны – временем глубоких волнений и переживаний, искренней грусти и беспокойства друг за друга; это все многократно задокументировано в сохранившихся в архиве письмах.

Человек, оторванный от привычной среды и одержимый идеей вернуться к утраченному, особенно если это произошло в силу непреодолимых обстоятельств (эвакуация, служба в армии, заключение и т.п.), а не вследствие осознанного и добровольного выбора, может становиться чрезмерно настойчивым и даже капризным по отношению к своим близким. Переписка 1943 г. двух истинных русских интеллигентов – супругов Райновых – свидетельствует и об этой стороне человеческой психики. В посланиях Райнова, наряду с описанием своего образа жизни, работы, занятий, питания (в условиях того времени данная тема имела первостепенную важность) и подобных же вопрошаний к своему адресату, прослеживается главная линия – размышления о способах вырваться из Ташкента, о том, к кому следует обратиться за поддержкой. На протяжении нескольких месяцев выстраивались разные варианты действий: возвращение в Москву вместе с ИВАНом, с историками Академии наук, с МГУ, по вызову Библиотеки им. В. И. Ленина, при помощи

В. П. Волгина, В. Л. Комарова и даже путем вызова с места работы Е. Б. Райновой. Ситуация осложнялась тем, что вместе с Райновым в Ташкенте была родственница (?), и она не проходила по категории члена семьи, поскольку по существовавшим правилам не разрешалось вызывать братьев, сестер и далее по нисходящей.

Врач Е. Б. Райнова, выполняя бесчисленные просьбы мужа, должна была выкраивать время из своего чрезвычайно плотного рабочего графика на хождения в Президиум АН СССР, в ГБЛ, МГУ – разносить и рассылать письма В. Л. Комарову, Н. И. Неусыхину, В. П. Волгину, Д. С. Сказкину, В. М. Гальперину. В одном из писем она поведала, что едва удержалась от искушения обратиться с просьбой к А. М. Панкратовой, но «без твоей санкции, помня кое-что, я не решилась этого сделать. Кроме того, я не знала, допустимо ли это по служебным причинам»²⁰. Райнов раз за разом давал наставления: переслать письмо Комарову, которое она получит через одного человека из Ташкента; передать письмо Волгину, как только тот вернется из Свердловска и т.д., и т.п. Райнов был уверен в том, что Неусыхин «конечно, сделает все возможное», что

Комаров и К^о обязаны меня вывезти, поди-ка, доберись до них. Есть такая точка зрения, – продолжал Райнов, – в соответствии с которой «со всем можно мириться...» [...] Но я еще не дошел до этой т[очки] зрения. И причиною – ты, любовь [...] тоска по тебе. «Еще томлюсь тоской желаний». Так мало о тебе знаю. Боюсь, что ты бедствуешь. Ты мало о себе пишешь²¹.

В архивном фонде сохранилась копия телеграммы президента Академии наук, отправленная из Алма-Аты Райнову и в адрес Ташкентского республиканского управления милиции следующего содержания:

Согласно решения СНК СССР от 13 марта разрешаю выехать Москву Райнову Тимофею Ивановичу вместе с семьей зпт прошу выдать Райнову пропуск на право въезда и проживания Москве²².

«Не корысти ради»: ученый секретарь Московской группы ИВАНА

В Москве Райнов полностью погрузился в востоковедение и, войдя в состав Московской группы Института востоковедения, быстро занял там лидирующее положение. Этому способствовали его первые востоковедческие исследования, не оставшиеся незамеченными, а также давнее, еще со времен

²⁰ ОР РГБ. Ф. 441. Карт. 15. Д. 5. Л. 24 об.

²¹ Письмо Т. И. Райнова жене от 12 апреля 1943 г. // ОР РГБ. Ф. 441. Карт. 14. Д. 21. Л. 5 об.—6. Роль Е. Б. Райновой и ее место в жизни и деятельности Райнова, в сохранении его научного наследия достойны специального рассмотрения.

²² ОР РГБ. Ф. 441. Карт. 15. Д. 49. Л. 2. Институт востоковедения и его сотрудники покинули Ташкент только лишь в 1945 г. в ночь с 8 на 9 мая и в Ленинграде они оказались 17 мая. См.: Институт востоковедения в 1945 г... С. 321–322.

обучения в Санкт-Петербургском университете, знакомство с директором ИВАНА В. В. Струве. В Москве в это время оказались два великих востоковеда – арабист академик И. Ю. Крачковский и японист член-корреспондент Н. И. Конрад – с ними Райнова связывали особые отношения.

Райнов из-за присущей и усилившейся со временем осторожности, из-за нежелания пустой траты времени никогда не был замечен в предрасположенности к административной работе, но, оказавшись в составе Московской группы ИВАН, не просто стал ученым секретарем, а добровольно взвалил на себя практически всю административно-организационную часть, не получая за это ни одного дополнительного рубля. Возможны два варианта объяснения этого. Райнов стремился сделать все возможное для укрепления и развития в Москве академического центра востоковедения – в условиях того времени наилучшего места для реализации своих творческих замыслов ученого-мыслителя и философа. И второе. Оргработа могла давать ему надежду на компенсацию профессионального изъятия в глазах коллег – незнания им восточных языков. К тому же группа отнимала у Крачковского слишком много времени, и он чрезвычайно тяготился административными обязанностями, которые с усердием и талантом вел за него Райнов. На протяжении 1944–1947 гг. он составлял все планы и отчеты, писал всевозможные записки, проекты, координировал работу с директором ИВАНА и профильными отделениями АН СССР, а после отъезда в августе 1944 г. первого руководителя Московской группы Крачковского в Ленинград находился с ним в постоянной переписке. Причем новый руководитель группы Конрад, естественно, знавший о том, что Райнов в деталях информирует Крачковского обо всем происходившем в Москве, ни в какой форме не высказывал никаких на сей счет возражений. К тому же Конрад, переживший как «японский шпион и враг народа» мучительные пытки во время следствия и заключения (с июля 1938 по сентябрь 1941 г.), по состоянию здоровья реально не мог подолгу вести оперативную административную работу. Интеллектуал Конрад чрезвычайно высоко ценил мыслителя Райнова, ценил дружбу и радость общения с ним²³.

При организации Московской группы Института востоковедения АН СССР ее задачи были определены следующим образом:

- 1) заслушивание и обсуждение докладов о плановых и внеплановых научных работах членов группы;
- 2) содействие находящимся вне института московским востоковедам путем предоставления им возможности обсуждать свои научные работы в связи с работой Московской группы ИВАНА в форме участия в ее заседаниях, представления и обсуждения докладов и т.п.;
- 3) участие в руководстве работой московской части аспирантов ИВАН СССР;
- 4) возможное содействие находящемуся в Ташкенте институту путем выполнения некоторых его поручений, предоставления ему некоторых внеплановых материалов и сведений и т.д., а также подготовки некоторых организационных

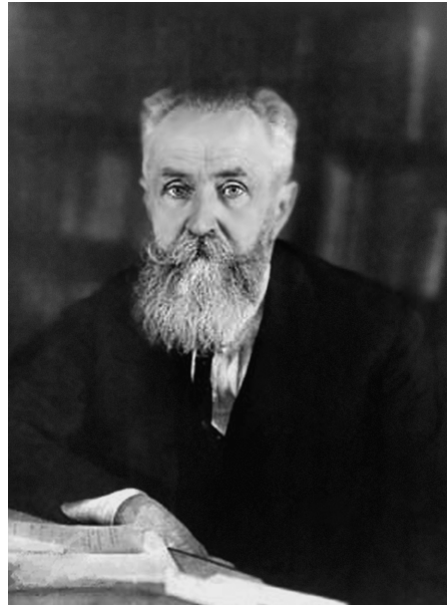
²³ Вот только одно из многих высказываний Конрада из письма от 14 июня 1945 г.: «Жду Вас здесь в Москве. Как приедете, сейчас же дайте знать. Мне не с кем говорить так, как я говорю с Вами, дорогой Тимофеем Иванович!» (ОР РГБ. 441. Карт. 15. Д. 51. Л. 5 об.).

мероприятий по линии издания востоковедной литературы²⁴.

Московская группа поначалу была небольшой. Тем не менее для решения административных вопросов было образовано бюро, заседавшее по субботам. Основная форма работы состояла в еженедельных собраниях с докладами и сообщениями по плановым и неплановым работам членов группы и с научной информацией. Заседания проходили каждый понедельник; на Волхонке собиралось каждый раз человек по 40–45. Крачковскому удалось сформировать «научную среду» без местничества, без амбиций или корыстных интересов²⁵.

Среди материалов Отделения истории и философии и Отделения языка и литературы АН СССР удалось найти отчеты Московской группы за 1943–1945 гг. Первый, представленный в Отделение литературы и языка АН СССР, датирован 7 марта 1944 г. Он составлен ученым секретарем – Райновым и подписан председателем – Крачковским²⁶. Отчетным периодом был четвертый квартал 1943 г., точнее, два последних месяца, поскольку собственно научная работа в группе началась в конце октября. Первые заслушанные доклады были следующие: 1) И. Ю. Крачковский «Азиатский музей Академии наук в истории нашего востоковедения (к 125-летию со дня его основания)» (15 ноября); 2) Н. И. Конрад «Сунь-Цзы “Трактат о военном искусстве”» (22 ноября); 3) Т. И. Райнов «“Авеста” и мировоззрение аль-Фараби» (6 декабря); 4) И. Ю. Крачковский. «К переизданию работ В. В. Бартольда в Киргизии» (27 декабря); 5) Т. И. Райнов. «К учению аль-Фараби о государстве» (27 декабря).

Кроме основных докладов на научных заседаниях группы заслушивались сообщения с информацией о новых или неизданных еще работах советских востоковедов, о текущей иностранной литературе по востоковедению и – *Personalia*. Так, Крачковский зачитывал письмо члена-корреспондента АН СССР М. С. Андреева о результатах научной командировки, проведенной в долине Хуф (Таджикистан); огласил два предварительных сообщения научного сотрудника ИВАН доктором филологических наук И. Н. Винникова об итогах экспедиции для изучения языка и быта среднеазиатских арабов; письмо члена-корреспондента АН СССР Н. В. Юшманова о ведущейся им работе;

*Игнатий Юлианович Крачковский
(1883–1951), академик, инициатор
создания Московской группы Института
востоковедения АН СССР*

²⁴ АРАН. Ф. 456. Оп. 3. Д. 34. Л. 2.

²⁵ Долинкина. «Невольник долга»... С. 340–341.

²⁶ Начиная с 1944 г. все отчеты подписывал только один Райнов.

письмо аналогичного содержания члена-корреспондента АН СССР Е. Э. Бертельса; по данным сотрудника издательства Академии наук А. Г. Грум-Гржимайло – представил информацию о намечавшемся восстановлении работы академической типографии в Ленинграде. Председатель группы делал сообщения о ряде печатных работ, имеющих интерес для востоковедения, как то: статья профессора С. И. Ванина «О применении древесины в книжном производстве» (1941), содержащая в том числе данные о Коране XVII–XVIII вв. из Средней Азии, написанном на листках из древесины дикой яблони; статья В. А. Крачковской «К столетию изучения Хадрамута» (1943); работа Л. П. Гроссмана «Лермонтов и культура Востока», содержащая некоторые данные о русском востоковедении 20–30-х гг. XIX в.

Конрад информировал коллег о диссертации научного сотрудника ИВАН профессора Е. М. Колпакчи на тему: «Древнеяпонский язык по памятникам VIII века» и о диссертации И. М. Ошанина «Происхождение, развитие и структура китайского иероглифического письма». Райнов сообщил о ведущейся ФБОН АН СССР работе по реферированию текущей иностранной литературы по востоковедению под его руководством и под общей редакцией Крачковского.

С самого начала существования Московской группы слушались и обсуждались также доклады сторонних лиц, как то: «Этнографические этюды о турках» (из книги «Накануне падения Османской империи») члена-корреспондента АН СССР В. А. Гордлевского (29 ноября); «Четверостишия Бо Цзюй-и» (Китай VIII–IX вв.) Л. З. Эйдлиной (13 декабря); «Меджнун – поэт и каллиграф из Герага» (XVI век) Б. Н. Заходера (20 декабря). Кроме того, заслушивалось сообщение научного сотрудника ФБОН АН СССР Т. Н. Савельевой о новых иностранных работах по вопросу хронологии истории стран Междуречья.

Таким образом, уже на этапе становления Московской группы в заслушанной серии докладов и сообщений присутствовали новизна и тематическое разнообразие, причем они охватывали весь Восток – Ближний, Средний и Дальний; доклады являлись отражением произведенных ранее или ведущихся специальных исследований. Соответствие проводимых работ задачам, поставленным перед Московской группой при ее создании, особо подчеркивалось в отчете.

Не менее активной была деятельность группы по руководству работой аспирантов, большинство которых проходили подготовку под научным руководством Конрада. На организационных заседаниях бюро группа провела обсуждение (совместно с аспирантами) проекта нового положения об аспирантуре Академии наук, давшее Крачковскому и Конраду материал, который они использовали при обсуждении проекта в особой комиссии при Президиуме АН СССР.

Отдаленность руководства Института востоковедения от Москвы привела к тому, что ряд управленческих функций группа вынужденно взяла на себя, например, наблюдение за прохождением издательского плана по соответствующим инстанциям и, в частности, – восстановление в ближайшее время издания сборников «Советское востоковедение». Бюро группы обсудило также проект издания сборника памяти академика П. К. Коковцова и постановило

приступить к подготовке его организации. К той же серии функций, которые группа взяла на себя, заменив Институт востоковедения, относился и вопрос о комплектовании библиотеки новой востоковедческой литературой. Бюро группы приступило к обсуждению вопроса о постановке дела семитологического образования в России и популяризации востоковедческих знаний.

Наверное, самый главный итог создания и начала деятельности Московской группы заключался в стимулирующем воздействии на работу сотрудников ИВАН, проживавших в Москве; вокруг группы постепенно начал складываться актив московских востоковедов. В заключительной части отчета за два месяца работы в 1943 г. отмечен один отрицательный момент – отрыв группы от института в целом:

О научной жизни последнего в Ташкенте группа не информирована, если не считать случайных известий, доходящих об этом частным путем. Обращение бюро группы в дирекцию института с просьбой об осведомлении группы о жизни и работе института до сих пор успеха не имело²⁷.

Местонахождение Московской группы ИВАН в столице, где располагался Президиум Академии наук, авторитетное и высокороботоспособное руководство неизбежно делали группу естественным центром притяжения. Уже в отчете о работе за первый квартал 1944 г. Райнов отмечал: существенным стало участие приехавших из Ташкента в Москву директора ИВАН Струве и сотрудников – членов-корреспондентов Е. Э. Бертельса, А. Ю. Якубовского и К. В. Тревер. Усилилось также участие московских востоковедов, не входивших в состав ИВАН, и особенно молодежи²⁸. В дальнейшем эти тенденции только усиливались, что не могло не тревожить основную, ленинградскую, часть востоковедов. Накапливавшиеся противоречия со временем выльются в прямое столкновение.

Принципы организации деятельности Московской группы ИВАН и конкретно характер работы ее ученого секретаря наглядно могут быть представлены разбором отчета за 1944 г. (утвержден бюро группы 15 января 1945 г.). Не злоупотребляя пространством цитированием, остановлюсь только на отдельных моментах семнадцатистраничного документа.

Структура отчета, направленного в Отделение истории и философии АН СССР, состояла из трех разделов: 1) организационные изменения в 1944 г.; 2) организационная работа группы; 3) научно-исследовательская работа. Третий раздел, в свою очередь, делился на подразделы по четырем основным направлениям научно-исследовательской работы Московской группы: вопросы связи Востока с русским народом; изучение народов советского Востока; исследования в области языка, литературы и истории народов зарубежного Востока; история востоковедения как науки.

Отчет начинался с небольшой исторической преамбулы, содержавшей историю Московской группы; подчеркивалась роль Крачковского в ее организации и успешности проводимых работ, что позволило за сравнительно

²⁷ АРАН. Ф. 456. Оп. 3. Д. 34. Л. 8.

²⁸ Там же. Л. 12.

краткий срок провести оформление группы как структурной части Института востоковедения АН СССР. После того как основатели группы Н. В. Пигулевская и И. Ю. Крачковский осенью 1944 г. вернулись в Ленинград, московский характер группы в плане персонального состава усилился. В Москве остались Н. И. Конрад и А. Е. Глускина, в отчетный период в группу постепенно вошел ряд собственно московских сотрудников: член-корреспондент АН СССР В. А. Гордлевский, доктор исторических наук В. И. Авдиев и профессор И. М. Рейснер; в Москву из Ташкента также были переведены старшие научные сотрудники Г. Г. Кочерьянц и Н. М. Гольдберг (москвичи по постоянному месту жительства). В этот же период в группу был включен, благодаря вновь созданному штату, доктор исторических наук москвич Б. Н. Заходер. Таким образом, писал Райнов, в Москве консолидировалась группа собственно московских сотрудников ИВАН, а как черту, с другой

стороны характеризующую эту коренизацию группы в Москве, следует отметить и то, что с середины и второй половины 1944 г. в Москву с разрешения дирекции ИВАН начали переезжать из Ташкента и многие аспиранты, москвичи по постоянному месту жительства²⁹.

В результате к концу 1944 г. более 50 % всех аспирантов и докторантов ИВАН оказались в Москве, имея здесь постоянную прописку.

Консолидация и укрепление Московской группы в течение 1944 г. явились одними из предпосылок того, что она все более становилась местом встречи и научных выступлений иногородних сотрудников ИВАН. Во время общеакадемических сессий и сессий отделений ленинградские и временно ташкентские сотрудники ИВАН охотно выступали с докладами на заседаниях Московской группы, и, кроме того, некоторые из них присылали в Москву для заочного оглашения свои письменные сообщения.

При отдаленности ИВАН от Москвы и при частых приездах в Москву директора Струве Московская группа, естественно, должна была в ряде случаев «с одобрения директора ИВАН» – подчеркивал Райнов – выступать представителем института в целом. Так, группе пришлось принять самое активное участие в подведении итогов выполнения общеинститутского плана за 1943 г., в сведении воедино разрозненных элементов общеинститутского плана на 1945 г., в проведении этого плана в отделениях и т.п. Кстати, Струве всего лишь до полугода времени проводил в Ташкенте.

Срочные задания Президиума АН СССР и его органов, а также бюро отделений, в которые в разных аспектах входил ИВАН, также ложились в отчетный год в основном на Московскую группу. Так, для отдела кадров Академии наук силами группы были составлены список востоковедов СССР и краткая характеристика научных направлений, по которым работают советские востоковеды. По заданию Президиума АН и бюро Отделения литературы и языка была составлена отчетно-обзорная записка об успехах и достижениях академического востоковедения в 1930–1940 гг. Наконец, для той

²⁹ АРАН. Ф. 457. Оп. 1^а – 44 г. Д. 13. Л. 3.

же инстанции и для Отделения истории и философии Московской группой были составлены записки об основных проблемах научной работы в области востоковедения на ближайшие годы. Содержание этих записок послужило материалом при подготовке соответствующих частей перспективных планов научной работы обоих названных отделений. Проекты и черновики большинства названных документов хранятся в архиве; написаны они рукой Райнова.

Составление проекта распределения финансовых средств между разными частями ИВАН (Ташкент, Москва, Ленинград) также проводилось в основном силами Московской группы формально под руководством директора института. Не последнее место в организационной работе Московской группы занимало руководство занятиями аспирантов и наблюдение за их работой. Московская группа, в силу сложившихся обстоятельств и усердия ее руководства, численно составляя менее четверти общего числа научных сотрудников ИВАН, стала с самого начала координационно-административным центром, где осуществлялась связь с руководящими структурами академии, составлялась и утверждалась плано-отчетная и финансовая документация, проводились научные совещания и велась подготовка половины аспирантов и докторантов. Наверняка активная роль во всем этом ученого секретаря Московской группы не могла оставаться незамеченной и не раздражать людей, нацеленных на карьерный успех или научно менее продуктивных, на людей завистливых и тем более бесталанных. Но поддержка со стороны президента АН СССР, успешное взаимодействие с руководством Отделения истории и философии, личные дружеские отношения с Крачковским и Конрадом делали Райнова до поры практически неуязвимым.

Что касается научной, т.е. основной составляющей отчета, то Райнов всячески выделял работу наиболее крупных ученых-востоковедов, работавших в составе Московской группы: Конрада, завершившего редактирование первого тома большого японо-русского словаря, и Глускиной, в основном закончившей работу по составлению главной части русско-японского словаря; упоминает он и другие их труды. В связи с юбилеем А. П. Чехова группой было организовано специальное заседание, посвященное выяснению связей произведений Чехова с некоторыми литературами Востока, в основном – зарубежного. На этом заседании с докладами и сообщениями о переводах на восточные языки и соответствующих историко-литературных и критических оценках произведений Чехова выступили И. Ю. Крачковский, В. А. Гордлевский, Н. К. Дмитриев, Н. И. Конрад и аспирантка Л. Д. Позднеева. Как исполнение давнего указания Крачковского о необходимости изучения мусульманских источников по истории народов СССР в отчете характеризовалась постановочная работа Заходера. Большое место в отчете занимала информация о заслушанных докладах, особенно по литературе и истории народов Востока, прочитанных как сотрудниками группы, так и лицами, не входившими в ее состав.

Поскольку здесь не ставится задача реконструкции истории деятельности Московской группы ИВАН, выделю только то, как отразилась в отчете научная работа самого Райнова. Так, он писал:

Вторым основным направлением в научно-исследовательской работе Московской группы явилось изучение народов советского Востока. Из штатных работников группы в этой области вел исследование только д-р ист. наук Т. И. Райнов, продолжая свое изучение крупнейшего ученого и философа Ср. Азии в IX–X вв. аль-Фараби. В 1944 г. автор закончил анализ вопроса о сложном взаимодействии античной традиции и современных аль-Фараби условий в его творчестве на примере его учения о государстве. При этом обнаружена полная несостоятельность принятого в литературе взгляда, что в данном вопросе аль-Фараби только перефразировал учение о государстве Платона.

Исполнившееся в декабре 1944 г. 125-летие со дня рождения ориенталиста Д. А. Хвольсона дало повод группе посвятить его памяти специальное заседание. На нем с докладом о работах Д. А. Хвольсона в области истории науки и философии на Востоке в связи с общим духовным развитием знаменитого ориенталиста выступил д-р исторических наук Т. И. Райнов [...]

Еще два кратких сообщения были сделаны по истории востоковедения Т. И. Райновым: одно – о связях русского ориенталиста, лингвиста и психолога Д. Н. Овсяннико-Куликовского с Дармстетером, другое – о развитии и современном состоянии Восточного института в Чикаго³⁰.

Другой источник позволяет внести в эту информацию уточнения. 17 января Райнов выступал с сообщением «Чикагский институт востоковедения. Его развитие, организация и публикации»; 30 января – «Страница из истории русского востоковедения: Д. Дармстетер и Д. Н. Овсяннико-Куликовский»; 20 марта он представил доклад «Вопросы византийской культуры в новейшей литературе»³¹. К этому можно еще добавить, что именно Райновым была написана официальная записка, содержащая обоснования нецелесообразности проекта слияния ИВАН с Тихоокеанским институтом.

В задачи данной статьи не входит рассказ о Райнове-востоковеде и тем более история московского востоковедения – это отдельная тема. К тому же его жизнь и деятельность в рассматриваемое время не сводились целиком и полностью к изучению истории идейных течений на средневековом Востоке.

Первый сотрудник ИИЕ АН СССР: последнее искушение историей науки

17 января 1945 г. Райнов, якобы совершенно неожиданно для себя, распоряжением № 73, подписанным Комаровым, оказался назначенным старшим научным сотрудником Института истории естествознания (ИИЕ) АН СССР³².

³⁰ Там же. Л. 8, 17. Здесь и далее подчеркивание в тексте оригинала.

³¹ АРАН. Ф. 456. Оп. 3. Д. 34. Л. 13, 14, 15.

³² Научный архив ИИЕТ РАН (НА ИИЕТ). Ф. ИИЕ. Оп. 1. Д. 1. Л. 1. Райнов был зачислен в ИИЕ путем перевода из Института философии АН СССР. Кроме Райнова только один историк науки – Б. Е. Райков стал сотрудником ИИЕ специальным распоряжением президента АН СССР. Но произошло это позже 11 сентября 1945 г., когда академию возглавлял С. И. Вавилов, и связано это было с тем, что Райков, оставаясь в Ленинграде, оформлялся старшим научным сотрудником с «откомандированием его для постоянной работы в Комиссии по истории Академии наук в Ленинграде» (НА ИИЕТ РАН. Ф. ИИЕ. Оп. 1. Д. 1. Л. 4). Комиссией по истории АН СССР с 1938 г. руководил Вавилов.

Своеобразие ситуации заключалось в том, что ИИЕ, о создании которого СНК СССР принял постановление еще 22 ноября 1944 г., строго юридически еще не существовал, поскольку соответствующее решение Президиума АН СССР состоялось лишь 9 февраля 1945 г. Таким образом, Райнов, вопрос о назначении которого в упомянутом распоряжении по Академии наук от 17 января 1945 г. значился первым пунктом, стал первым научным сотрудником возрождавшегося академического центра по изучению истории науки. Это, безусловно, указывало на особую роль, которую должен был, по мысли Комарова, играть в ИИЕ Райнов. В постановлении правительства об открытии ИИЕ, определении целей и задач нового института утверждался также состав ученого совета, в который вошли во главе с Комаровым крупнейшие ученые того времени – В. И. Вернадский, Н. Д. Зелинский, С. И. Вавилов, В. А. Обручев, А. Н. Крылов, В. П. Волгин, Б. Д. Греков, Е. В. Тарле, Л. А. Орбели, Л. С. Берг и др. Но при этом в ученом совете значились только двое профессиональных историков науки – Б. Г. Кузнецов (в качестве заместителя директора) и Райнов. Здесь необходимы разъяснения и небольшое «воспоминание» о предшествующих событиях.

В 1938 г. был разгромлен Институт истории науки и техники АН СССР. Шлейф этого события, сопряженного с фамилией его первого директора – «врага народа» академика Н. И. Бухарина, делал практически невозможным не только продление существования ИИИТ, но и вообще воссоздание в Академии наук в обозримой перспективе какого-либо исследовательского центра по истории науки. Война, окрасившая внутривосточную палитру цветами коричневого оттенка, соответствующими идеями и лозунгами, создавала относительно благоприятную ситуацию для возобновления академического историко-научного центра, на который, как стало понятно вскоре после его создания, возлагались вполне определенные задачи пропагандистско-идеологического обслуживания нового этапа сталинского правления. Однако латентно благоприятная ситуация реализуется при условии наличия многих, подчас почти невидимых импульсов и участников событий.

Последним директором ИИИТ был Б. Г. Кузнецов (1903–1984), для которого история науки стала, по его собственному выражению, «первой любовью»³³. Верность этой любви он пронес через всю жизнь, и, судя по всему, именно Кузнецов, оставаясь в тени, совершил невозможное – пусть и в чрезвычайно усеченном виде по сравнению с ИИИТ воссоздал в системе АН СССР исследовательский историко-научный институт. Решение этого вопроса обсуждалось и принималось на высшем государственном уровне, когда вечером 13 ноября 1944 г. в Кремле в течение часа (18⁴⁵–19⁴⁵) проходила беседа Комарова и И. В. Сталина. В ходе встречи и была дана верховная санкция на открытие в Академии наук исследовательского института по истории науки. Приведу соответствующий фрагмент из краткой записки этой беседы:

³³ Кузнецов Б. Г. Встречи. М.: Наука, 1984. С. 84. Кстати, именно Кузнецов подписал в 1938 г. приказ об увольнении Райнова из ИИИТ.

КОМАРОВ. Теперь я хочу поделиться с Вами мыслями о развитии такой важной отрасли науки, как история естествознания. Война, как мне кажется, показала, как важно для государства, чтобы в народной памяти сохранялось культурное прошлое народа. Кроме того, необходимо обеспечить ведущую роль советской науки в исследованиях по истории естествознания, как мирового, так и русского. Я хочу познакомить Вас с письмом, которое направили мне старейшие русские ученые академики В. И. Вернадский и Н. Д. Зелинский. Они просят меня организовать Институт истории естествознания и возглавить этот институт.

Кроме того, было бы чрезвычайно полезно выпускать периодический сборник, посвященный истории естествознания «Научное наследство», с тем чтобы печатать там исследования и документы по истории науки. У меня есть конкретные предложения о направлении работ и персональном составе Института истории естествознания, который я хочу Вам представить.

СТАЛИН. Я удивлен, что до сих пор в Академии наук нет такого института. Это очень важное дело. Молодежь, в особенности, должна знать историю науки. Я целиком поддерживаю Ваше предложение³⁴.

Как следует из приведенного текста, поводом для обсуждения вопроса о создании ИИЕ послужила записка Вернадского и Зелинского. По свидетельству Кузнецова, кроме этих двух академиков документ должны были также подписать Обручев и Н. А. Морозов, но последний заболел и не сумел поставить свою подпись³⁵. Судя по ряду косвенных данных и устным свидетельствам, инициатором и организатором данного обращения был входивший в ближайшее окружение Комарова Кузнецов. Он, безусловно, больше других хотел воссоздать в какой-либо форме Институт истории науки, не без оснований рассчитывая со временем возглавить его. Кузнецов понимал, что надо торопиться и использовать близость к президенту и другим упомянутым академикам (Вернадский и Комаров вскоре, в 1945 г., уйдут из жизни, Морозов — на следующий год).

Поиски упомянутой инициативной записки академиков-ветеранов оказались безуспешны, хотя сомневаться в ее существовании невозможно. Ее обнаружение позволило бы документально подтвердить, что автор этого текста — Кузнецов³⁶. В словах, произнесенных Комаровым при встрече с «вождем» о важности «обеспечить ведущую роль советской науки в исследованиях по истории естествознания, как мирового, так и русского», вполне слышна не только тональность наступающей эпохи отставания приоритетов, но и вполне узнаваемая лексика Кузнецова, отчетливо звучавшая в его предвоенных сочинениях по истории русской науки. Интереснее второй абзац, в котором президент Академии наук ставил вопрос о целесообразности выпуска периодического сборника «Научное наследство». Этот проект, начатый Райновым

³⁴ АРАН. Ф. 277. Оп. 13. Д. 197. Л. 3–4.

³⁵ Кузнецов Б. Г. Из прошлого истории естествознания в СССР / Публикация и примечания С. С. Илизарова // ВИЕТ. 1993. № 4. С. 134–135.

³⁶ На этот счет имеется примечательное косвенное свидетельство Вавилова, записавшего в своем дневнике, что тексты — «сочинения» Комарова этого периода сочинялись Кузнецовым. См.: Вавилов. Дневники... Кн. 2. С. 356.

под руководством Комарова еще в 1940 г. и продолженный в начале войны, становился, как видно, одним из главных приоритетов в планах нового института и де-факто получил одобрение верховного руководства СССР. Более того, Комаров, планируя визит к Сталину и готовя вопрос об открытии ИИЕ, за месяц до того провел переговоры с Райновым, что подтверждается его запиской от 9 октября 1944 г.:

Глубокоуважаемый Владимир Леонтьевич, академик А. М. Деборин и Н. И. Мещанинов передали мне несколько времени назад Ваше разрешение посетить Вас. Я хотел бы воспользоваться этим для беседы по вопросу о возрождении «Научного наследства», а также для выслушивания Ваших замечаний о моей статье «В. Л. Ком[аров]»³⁷.

Особое место Райнова как крупнейшего историка науки понималось тогда многими. Так, руководитель Московской группы Института востоковедения Конрад 25 марта 1945 г. в письме к историку Пигулевской совершенно однозначно высказывался на сей счет: «Тимофей Иванович [...] привлечен сейчас во вновь организованный (вернее организуемый) Институт истории естествознания и практически является там единственным человеком, который может дело наладить»³⁸. Комаров в 1945 г. подписал характеристику Райнова, в заключительной части которой отмечалось: «Обладая исключительной эрудицией, он бесспорно является одним из виднейших историков науки в СССР»³⁹.

Наглядно характеризует отношение Комарова к Райнову наградной лист, в котором отмечалось:

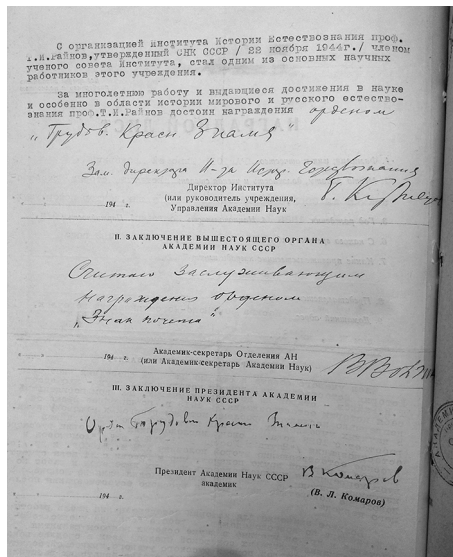
С организацией Института истории естествознания проф. Т. И. Райнов, утвержденный СНК СССР (22 ноября 1944 г.) членом ученого совета института, стал одним из основных научных работников этого учреждения. За многолетнюю работу и выдающиеся достижения в науке и особенно в области истории мирового и русского естествознания проф. Т. И. Райнов достоин награждения – и далее рукой было написано – орденом Трудов. Красн. Знамя. Замдиректора И-та истор. естествознания. Б. Кузнецов.

Ниже имеется заключение вышестоящего органа АН СССР, в данном случае академика-секретаря Отделения истории и философии, где также рукой записано: «Считаю заслуживающим награждения орденом “Знак почета” В. Волгин». В третьем, итоговом заключении президента АН СССР имеется

³⁷ ОР РГБ. Ф. 441. К. 14. Д. 24. Л. 1. Речь идет о работе Райнова, посвященной Комарову в связи с его юбилеем, которая докладывалась 12 октября 1944 г. на заседании Отделения языка и литературы АН и затем опубликована в: *Райнов Т. И. Творческий облик В. Л. Комарова* // Известия Академии наук Союза ССР. Отделение литературы и языка. Т. 4. Вып. 1. 1945. С. 1–4. Данная статья – лучшая среди других публикаций, посвященных творчеству академика Комарова, и в полной мере отражает характерный для Райнова подход, сочетавший историко-биографический, науковедческий, социально-психологический и наукометрический методы.

³⁸ *Конрад Н. И. Неопубликованные работы. Письма*. М.: РОССПЭН, 1996. С. 281.

³⁹ ОР РГБ. Ф. 441. К. 1. Д. 7. Л. 2.

Наградной лист на Т. И. Райнова

резолуция: «Орден Трудового Красного Знамени В. Комаров»⁴⁰. Своеобразным косвенным признанием значимости Райнова в глазах современников могут служить также и крайне негативные дневниковые записи С. И. Вавилова об окружении Комарова («камарили»), к которой он ошибочно относил и Райнова), где он предельно раздраженно писал о ИИЕ как о забаве «опустившегося рамоли», создаваемого для кучки бездельников⁴¹.

Таким образом, если бы не приближение победы в войне, что уже было очевидно к ноябрю 1944 г., если бы не планы и задачи, которые проводил Сталин в использовании истории, истории техники и науки в пропагандистских, идеологических целях, если бы не необходимость снятия с поста пре-

зидента АН СССР одряхлевшего и нездорового человека и, как следствие, возможность удовлетворения его не очень большой (в масштабах страны и академии) просьбы – создать ИИЕ, то неизвестно, как бы сложилась судьба в СССР истории науки и техники как сферы профессиональной деятельности.

Кузнецов, будучи официально заместителем директора, фактически в первое время исполнял должность директора; абсолютное большинство приказов по ИИЕ подписано им. После смерти Комарова и прихода к руководству ИИЕ новых людей Кузнецов был оттеснен от какой-либо административной деятельности. Но это произойдет через пару лет⁴², а пока, в 1945 г., полным ходом шло формирование научного коллектива института. Приказом № 1 по ИИЕ АН СССР от 26 марта 1945 г., подписанным Комаровым, в штат института совместителями зачислялись академик А. Е. Арбузов, член-корреспондент Н. А. Максимов и шесть штатных старших научных сотрудников, в том числе А. П. Юшкевич и В. П. Зубов⁴³. Вскоре, в период весны – лета 1945 г., в ИИЕ влились коллеги Райнова по бывшей Комакадемии – П. А. Новиков и О. А. Старосельская-Никитина, а также Б. А. Воронцов-Вельяминов, И. Н. Веселовский, Г. Ф. Рыбкин, Я. Г. Дорфман (с постоянным

⁴⁰ АРАН. Ф. 411. Оп. 39. Д. 1414. Л. 26 об.

⁴¹ Вавилов. Дневники... Кн. 2. С. 109, 148, 238. Отношение Вавилова к истории и к истории науки в частности было довольно противоречивым, и его негативные оценки деятельности историков в абсолютном большинстве своем совершенно несправедливы.

⁴² Распоряжением Президиума АН СССР от 2 сентября 1947 г. за подписью Вавилова первым параграфом в ИИЕ была установлена дополнительно одна штатная единица заведующего отделом. Вторым параграфом во вновь созданной должности зав. отделом общей истории естествознания утверждался Кузнецов. Но уже после подписания параграф о назначении Кузнецова был зачеркнут крест-накрест, судя по всему, рукой Вавилова (АРАН. Ф. 2. Оп. 13. Д. 37. Л. 11).

⁴³ НА ИИЕТ РАН. Ф. ИИЕ. Оп. 1. Д. 3. Л. 7.

местопребыванием в Ленинграде). Как видно, достаточно быстро удалось собрать высококвалифицированный и продуктивный коллектив профессиональных историков науки. На 1 октября 1945 г. в ИИЕ было 37 сотрудников, из них 7 докторов наук. Но для поддержания статуса ИИЕ как академического научно-исследовательского института этого было недостаточно; необходима была качественная и убедительная продукция в виде статей, книг, археографических изданий.

Уже на первом году существования ИИЕ Кузнецов предпринимал усилия по обоснованию координирующей роли нового института. План изданий на 1945 г. включал подготовку 10 работ, в том числе сборника «Научное наследство» (50 п.л.), первых трех выпусков «Трудов ИИЕ» (каждый по 25 п.л.), коллективного труда «Очерки по истории ботаники в России» (24 п.л.), трудов А. А. Космодемьянского, Б. Е. Райкова, В. И. Вернадского, Б. Г. Кузнецова и В. В. Челинцева. Кроме этого, из общего плана изданий АН СССР в список изданий ИИЕ переводились еще пятнадцать работ: Н. Ф. Гамалеи, А. О. Гельфонда, А. П. Юшкевича, А. Ф. Самойлова, С. Л. Соболя, Л. Е. Амлинского, Л. С. Берга, Л. Ш. Давиташвили, Т. П. Кравца, Н. И. Идельсона, Я. Г. Дорфмана, С. Я. Лурье и др., посвященных проблемам истории математики, микробиологии, физиологии, микроскопии, эволюционных учений, географических открытий, а также жизни и деяниям Архимеда, Лукреция, Ньютона, Лобачевского, Даламбера, Лавуазье и т.д.

Хорошо и убедительно в плане концентрации актуальных исследовательских направлений был структурирован план НИР 1945 года, включавший 29 исследовательских тем, распределенных по пяти разделам: 1) история атомистики; 2) развитие представлений о вселенной, Земле и строении вещества в русской науке; 3) история русской ботаники; 4) развитие эволюционного учения в мировом и русском естествознании; 5) публикация классических работ и документов по истории естествознания. За Райновым в этом плане были закреплены две позиции: титульное редактирование работы В. В. Рикмана «Анатомические концепции в русском и западноевропейском естествознании XVII–XVIII вв.», которое предполагалось завершить к концу 1946 г., и индивидуальная плановая тема «Очерки по истории русского естествознания в XVIII в.» объемом 30 п.л. с завершением в конце 1947 г. Разумеется, главной работой Райнова в ИИЕ являлась подготовка томов «Научного наследства».

Борис Григорьевич Кузнецов (1903–1984)

Решение об издании «Научного наследства» было принято еще 10 июля 1940 г. на заседании редакционно-издательского совета (РИСО) АН СССР⁴⁴. В состав редколлегии во главе с Комаровым из профессиональных историков науки входили Кузнецов, Райнов и Соболев. Первое заседание редколлегии прошло 23 января 1941 г. в президентском кабинете Комарова. Были рассмотрены содержание первого тома «Научного наследства», который предполагалось издать не позднее 1 октября 1941 г., а также проекты томов, посвященных русскому вкладу в исследование Америки (к 450-летию открытия) и 300-летию со дня рождения И. Ньютона. Предполагалось второй том подготовить к 1942 г., третий – к 1942 – началу 1943 г.

С началом войны проект подготовки томов «Научного наследства», как уже отмечалось, был продолжен. С возобновлением уже в ИИЕ работ по подготовке первого тома его содержание претерпело существенные изменения по сравнению с довоенным вариантом. В складывавшихся тогда условиях (сужение тематического пространства в изучении истории научных знаний, четко обозначенных идеологических задач, возложенных политическим руководством страны на историю науки и техники и др.) было принято решение о разделении ранее собранного материала на две части, вследствие чего первый, изданный с большим опозданием том составили документы по истории естествознания. Он вышел в свет как титульное издание ИИЕ АН СССР, а на контртитule появился разъяснительный подзаголовок – «Естественно-научная серия».

Поскольку основной труд по формированию сборника был выполнен Райновым еще до войны, то на первом этапе главной задачей стали отбор и доработка ранее подготовленного материала. Спустя немногим более полугода со времени начала деятельности ИИЕ АН СССР, осенью 1945 г., первый том объемом свыше 60 п.л. был утвержден РИСО и передан в издательство⁴⁵. В апреле 1946 г., находясь в производственном отделе академического издательства, том «Научного наследства» был включен в план выпуска 1947 г. Причины задержки издания более чем на год (подписан к печати лишь в мае 1948 г.) не ясны. Скорее всего они носили технический характер, учитывая сложность подготовки к публикации такого большого по объему материала.

В редакционном предисловии к первому тому, написанном его редактором Райновым, изложены основные принципы и идеи, которые составители и редактор серии декларировали, издавая документы по истории науки. С самого начала подчеркивалось, что серия возникла по инициативе Комарова.

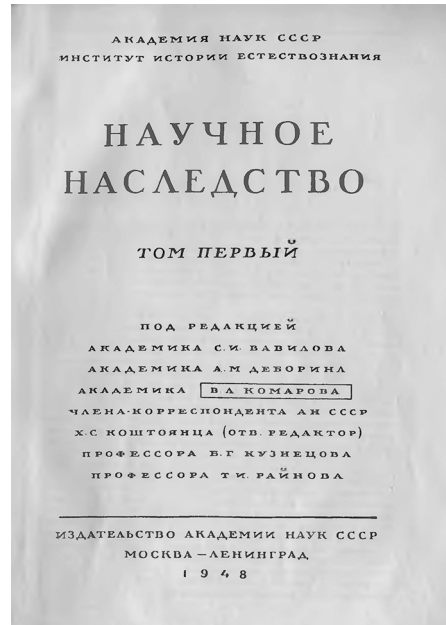
⁴⁴ Подробнее о серии см.: *Григина И. Р., Илизаров С. С.* 40 лет археографической серии «Научное наследство» // *Археографический ежегодник за 1989 год*. М.: Наука, 1990. С. 3–18; *Григина И. Р.* Новые материалы к истории археографической серии «Научное наследство»: историографический проект Т. И. Райнова // *Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция*. 2015. М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 319–324; *Илизаров С. С., Григина И. Р.* «Научное наследство» – старейшее серийное издание по истории науки // *Отечественные архивы*. 2016. № 1. С. 31–39.

⁴⁵ 21 сентября 1945 г. Райнов писал Крачковскому – одному из авторов «Научного наследства», что сборник сдан в печать и ИИЕ приступает к подготовке второго тома, который планируется завершить к апрелю следующего года. В письме Крачковскому от 7 октября он сообщал: «окончив с I т. “Н. Н-ва”, добрался, наконец, до “Узкого” для отдыха, впервые с 1940 г.» (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПФ АРАН). Ф. 1026. Оп. 3. Д. 755. Л. 70, 74).

Основная ее задача состояла в публикации неизданных научных произведений, дневников, воспоминаний и переписки выдающихся отечественных ученых, подобных же трудов зарубежных ученых, преимущественно соприкасавшихся с нашей страной, а также подлинников и переводов малоизвестных или незаслуженно забытых научных произведений. «Комментированное издание первоисточников, – подчеркивал Райнов в предисловии, – крайне необходимо для планомерной разработки истории науки»⁴⁶. Очень важно, что он обосновал необходимость систематического и планомерного извлечения из архивохранилищ документов первостепенного культурно-исторического значения: это нужно для подлинно научной реконструкции картины развития отечественной науки, для широких кругов исследователей и всех интересующихся прошлым. В предисловии также намечена ближайшая и перспективная программа издания сборников. Планировалась публикация большого труда К. М. Бэра, посвященного исследованию вечной мерзлоты в Сибири, а также полное описание огромного архива ученого. Из материалов, подготовленных еще до войны, предполагалось издать документы Петра I, имеющие отношение к истории научно-технического развития. Значительную часть будущих томов должны были составить эпистолярные материалы Н. Е. Жуковского, Д. И. Менделеева, И. И. Мечникова, А. Г. Столетова, Е. С. Федорова и др. Определенное место выделялось обзорам архивов ученых (И. Я. Берцелиуса, А. А. Ухтомского) и другим собраниям, в частности, рукописям естественно-научного содержания, хранящимся в Матенадаране. На более далекую перспективу планировалась подготовка документов, характеризующих зарождение и развитие научных знаний в Древней Руси, Закавказье и республиках Средней Азии.

Пока шла затянувшаяся работа над первым томом, старшего научного сотрудника ИИЕ АН СССР Райнова не оставляла мысль об издании собранных и в основном подготовленных документальных материалов по истории исторической науки. Это требовало решения научно-организационных задач. В решении этого дела Райнов обрел поддержку в лице вице-президента АН СССР по общественным наукам В. П. Волгина и академика-секретаря Отделения истории и философии Б. Д. Грекова. Они одобрили его идею привлечь к работе историка и археографа А. И. Андреева, который, так же как и Райнов, был

Научное наследство. Том 1. М.; Л., 1948. Титульный лист. Редактором тома был Т. И. Райнов

⁴⁶ Научное наследство. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Т. 1. С. 1.

учеником академика А. С. Лаппо-Данилевского. По согласованию с ними и от их лица 24 ноября 1945 г. Райнов вступил в переговоры с Андреевым, предложив ему стать ученым секретарем создаваемой Комиссии по истории исторических наук. Запись об этом «непротокольном» событии сохранилась среди архивных бумаг Андреева и свидетельствует, что существовавшая в 1946–1949 гг. в Отделении истории и философии АН СССР Комиссия по истории исторических наук обязана своим началом Райнову, стремившемуся довести до логического завершения (издания) начатые еще в предвоенные годы труды.

Андреев, уклонившись от предложенного места ученого секретаря комиссии, после встречи 30 ноября с Волгиным согласился участвовать в составлении инициативных документов. В тот же день Райнов и Андреев составили записку в Отделение истории и философии с обоснованием необходимости создания Комиссии по истории исторических наук. В небольшом по объему документе эта инициатива обосновывалась ростом интереса к истории наук, нашедшим выражение в появлении многочисленных статей и исследований, создании при различных отделениях Академии наук комиссий по истории наук физико-математических, биологических, технических и др. На этом фоне наметилось отставание историков, а без выявления

научного наследства в области исторических наук и знания того, что наши предшественники сделали по изучению прошлого нашей страны и тех стран, с которыми Россия имела сношения, невозможны правильное планирование и постановка научной исторической работы в СССР⁴⁷.

В этой связи, отмечали авторы записки, настало время образовать специальную комиссию под руководством академика-секретаря отделения Волгина и включить в ее состав тех историков, которые занимаются историей исторических наук в СССР и на Западе. Для руководства и ведения текущей работы, по мнению авторов, необходимо с января 1946 г. создать постоянный состав новой комиссии в лице председателя, ученого секретаря и секретаря-машинистки. Кроме координационной работы создаваемая комиссия могла бы ставить доклады по актуальным вопросам истории исторических наук и взять на себя руководство историографической серией «Научного наследства», которая начнет выходить с 1946 г.

30 ноября Райнов и Андреев подготовили также специальную записку в РИСО АН СССР с инициативой создания «историографической серии» «Научного наследства». Райнов, знавший положение дел лучше, чем кто-либо, поскольку он стоял у истоков проекта, начал записку следующими словами, содержащими существенные уточнения:

При основании в 1939–1940 гг. в Академии наук СССР сборников «Научное наследство» предполагалось включать в них материалы по истории всех областей знания. После войны «Научное наследство» было сперва ограничено рамками истории естествознания. Однако собранный уже ранее материал по историографии вместе с некоторыми новыми

⁴⁷ СПФ АРАН. Ф. 934. Оп. 1. Д. 277. Л. 15–15 об.

материалами того же рода, которые легко мобилизовать, дает возможность организовать и подготовить в 1945 г. к печати специальный том по историографии.

Такие историографические сборники, отмечали авторы записки, могут издаваться от лица Историографической комиссии при Отделении истории и философии под председательством академика Волгина, в составе академиков Б. Д. Грекова, А. М. Деборина, докторов наук Андреева, Райнова и др.:

Нижеподписавшиеся от своего имени и от имени академиков В. П. Волгина, Б. Д. Грекова и А. М. Деборина, изъявивших на то согласие, просят РИСО АН СССР разрешить к изданию в 1945 г. I том «Историографической серии» «Научного наследства».

На основании краткой аннотации содержания первого тома в документе содержалась просьба утвердить объем сборника в размере 60 п.л. (со сроком сдачи в печать в третьем квартале 1946 г.) и редакционную коллегию в составе Волгина (ответственный редактор), Грекова, Деборина, Струве, Андреева и Райнова⁴⁸.

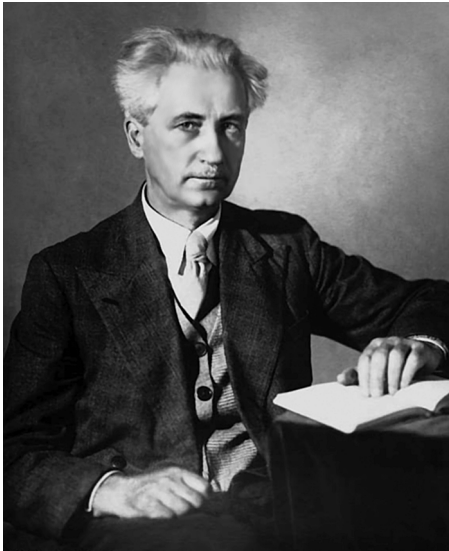
После утверждения историографической серии «Научного наследства» постановлением РИСО АН СССР от 5 января 1946 г. Райнов и Андреев представили в бюро Отделения истории и философии Академии наук проект плана первого историографического сборника. Он должен был состоять из двух разделов: в первом – «Русская историография» – помещались материалы В. О. Ключевского, П. П. Пекарского, М. П. Погодина, С. М. Соловьева, В. Н. Татищева, подготовленные к печати А. И. Андреевым, М. В. Нечкиной, В. И. Пичетой, Т. И. Райновым и Н. Л. Рубинштейном; во втором – «Историография всеобщей истории» – большой, в восемь печатных листов, блок, посвященный Б. А. Тураеву и состоящий из статей и воспоминаний В. И. Авдиева, Т. Н. Бороздина, В. В. Павлова, Т. И. Райнова и В. В. Струве, а также неизданные материалы В. В. Бартольда, М. М. Ковалевского и А. Н. Савина, археографически подготовленные соответственно В. М. Лавровским и А. Ю. Якубовским⁴⁹.

Вячеслав Петрович Волгин (1879–1962), вице-президент АН СССР (1942–1953). Возглавлял Комиссию по истории исторических наук Отделения истории и философии АН СССР, созданную в 1945 г. по инициативе Т. И. Райнова

⁴⁸ Там же. Л. 17–17 об.

⁴⁹ ОР РГБ. Ф. 441. Карт. 1. Д. 8. Л. 12–13 об.

*Борис Дмитриевич Греков (1882–1953),
академик-секретарь Отделения истории
и философии АН СССР (1946–1953)*

Судя по всему, работа над первым историографическим томом серии «Научное наследство», несмотря на постоянные уточнения и дополнения, была в основном завершена в 1947 г., что подтверждается отчетом Комиссии по истории исторических наук⁵⁰ и письмом Райнова к Андрееву. В этом документе Райнов поздравлял своего корреспондента с завершением подбора материала и

хотя интересно в нем буквально все, но гвоздем явятся новые материалы Ключевского. Все мы должны быть признательны Вам, Б. Г. Веберу и т. Зимину за эти материалы, которые сделают «Н-ое н-во» драгоценным не только для немногих любителей историографии, но и для многочисленных историков.

В письме также содержались многочисленные предложения и рекомендации рабочего порядка, а также ставился вопрос о подготовке к первому тому предисловия по тому типу, которым открывался первый том естественно-научной серии⁵¹.

Историографическая серия «Научного наследства», инициированная Райновым, не вышла в свет. Сначала Райнов и Андреев в силу складывавшихся в те годы для обоих обстоятельств оказались отодвинутыми от участия в проекте: в составе Комиссии по истории исторических наук в 1949 г. имен этих ученых нет⁵². Затем «смерч», пронесшийся над исторической наукой из-за «дискуссий» по книгам А. Ф. Александрова («История западноевропейской философии») и особенно по фундаментальному труду Н. Л. Рубинштейна («Русская историография»), делал опасным и потому невозможным продолжение историографического тома, как это следовало из детального отчета Комиссии по истории исторических наук за 1948 г.⁵³

Что касается основной, естественно-научной, части серии «Научного наследства», то Райнов после того, как он вынужденно покинул ИИЕ АН СССР, с апреля 1946 г. перестал участвовать в этом археографическом проекте. Тем не менее дело, начатое им три четверти века тому назад по изданию источников по истории научных знаний, оказалось устойчивым, чрезвычайно продуктивным и важным.

⁵⁰ АРАН. Ф. 457. Оп. 1–47 г. Д. 68. Л. 1–3.

⁵¹ СПФ АРАН. Ф. 934. Оп. 5. Д. 294. Л. 1–3.

⁵² АРАН. Ф. 457. Оп. 1–48 г. Д. 92. Л. 1–2.

⁵³ Там же. Л. 6–9, 13.

Причины, по которым Райнов ушел из ИИЕ, до конца не прояснены. Формальной и одновременно главной явилась очередная борьба по укреплению трудовой дисциплины и «ликвидация вредной практики совместительства»⁵⁴. Во исполнение генеральной линии Президиум АН СССР своим постановлением от 5 июля 1946 г. «О совместительствах научных работников академии» допускал совместительство лишь с разрешения президиума и при условии совокупной оплаты, не превышающей 50% оклада по должности, занимаемой в Академии наук⁵⁵. В этой ситуации перед Райновым встал выбор – остаться в ИИЕ и распрощаться с Институтом востоковедения, в котором за пять лет работы ученый получил возможность в относительно полной мере реализовать потенциал историка (и отчасти философа) знаний, в учреждении, в котором благодаря добрым отношениям с рядом сотрудников, перешедшим в крепкую человеческую дружбу, он стал чувствовать себя своим среди своих и интеллектуально равных ему. Возможно, что Райнову сложнее было бы принимать решение, если бы к этому времени не ушел из жизни его покровитель Комаров, а пришедшие к руководству новые люди не оттеснили и Кузнецова. Впрочем, это, скорее, догадки; реальные связи и отношения между Райновым и Кузнецовым неизвестны. Мы ничего не знаем и об отношениях Райнова с новым директором членом-корреспондентом АН СССР Х. С. Коштоянцем. Они могли быть знакомы по крайней мере с 1930 г., когда молодой физиолог, член партии Коштоянц пришел в Комакадемию⁵⁶. Наверное, не последнюю роль в выборе между ИИЕ и ИВАНом играла память о событиях сравнительно недавнего прошлого, когда все усилия сохранить в академии ИИНТ или создать хоть какое-то его подобие оказались безуспешными. Наконец, до Райнова, имевшего ряд выходов на руководящих работников АН СССР, могла прийти информация о крайне негативном отношении нового президента академии С. И. Вавилова к вновь созданному Институту истории естествознания. Как бы то ни было, выбор был сделан в пользу Института востоковедения.

В письмах Крачковскому Райнов дважды информировал его о своем предстоящем выборе. Так, 23 марта 1946 г. он обмолвился, что еще причастен к редакции «Научного наследства» и даже к ИИЕ, «хотя надеюсь получить освобождение для работы только в ИВАН – более мне симпатичной»⁵⁷. 1 апреля 1946 г. Райнов уволился из ИИЕ⁵⁸. Спустя десять дней, 10 апреля, он, впервые употребляя обращение «Дорогой Игнатий Юлианович», сообщил:

⁵⁴ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 132. Д. 166. Л. 115.

⁵⁵ Спустя несколько лет, 15 октября 1949 г., в записке президента АН СССР Вавилова и главного ученого секретаря Президиума АН СССР А. В. Топчиева секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову о состоянии рабочей дисциплины в институтах Академии наук СССР отмечались в качестве примеров нарушения трудовой дисциплины как ИИЕ, так и ИВАН.

⁵⁶ В 1947 г., будучи директором ИИЕ, исполнял на время отпуска Н. Г. Бруевича обязанности академика-секретаря АН СССР, за что отмечен распоряжением Президиума Академии наук (№ 766) от 16 сентября 1947 г. благодарностью (АРАН. Ф. 2. Оп. 13. Д. 37).

⁵⁷ СПФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 755. Л. 85–85 об.

⁵⁸ ОР РГБ. Ф. 441. Карт. 1. Д. 4. Л. 18.

...я, наконец (с 1 апреля 46) освободился и от «Н. Н-ва», тяготившего меня разными чуждыми мне организационными делами, и вообще от сотрудничества в Инст. ист. естествознания. В течение года работы в нем у меня накопилось много разногласий с его бывшим руководством, и хотя новое руководство (с марта) мне незнакомо, но постановление о запрещении совместительства внутри АН заставило меня настаивать на своем уходе именно из ИИЕ, чтобы остаться в ИВАН. Хотя со стороны меня считают более близким к ИИЕ, внутренне я чувствую себя лучше в ИВАН, где ничто не мешает мне заниматься историей идей в более широкой связи и перспективе. В свободное время я буду потихоньку кропать что-либо и в истории русск. науки, но не *ex officio*.

Не знаю, не сочтете ли Вы мой уход из ИИЕ и окончательный выбор ИВАН неосторожным. Ведь в глазах востоковедов я никогда не стану «настоящим» ориенталистом. Но я держусь правила «в доме отца моего обитателей много», и, может быть, при всех дефектах моей ориентальной подготовки найдутся стороны дела, в которых я пригожусь. К тому же несколько лет работы вместе с Вами и некоторыми другими коллегами сделали лично для меня востоковедение – своим, хотя это и несколько «незаконное» родство. Я пережил бы отрыв от связи с Вами и Н. И. Кохрандом (связи по работе) как большой внутренний урон, больший, чем отрыв от работников ИИЕ⁵⁹.

Судя по тональности этого и последующих писем, Райнов испытывал удовлетворение от своего выбора. Не известно, какие чувства он переживал, когда через полтора года, 1 ноября 1947 г., произошла катастрофа, речь о которой пойдет далее. Но ни тогда, ни позднее он не предпринимал никаких усилий для возврата в ИИЕ, с которым у Райнова, впрочем, сохранялись некоторые контакты. После увольнения отсюда он продолжал некоторое время работу по составлению второго тома «Научного наследства», оставался членом ученого совета и формально исследовательская тема по истории русского естествознания в XVIII в. продолжала за ним числиться. Время от времени к Райнову обращались из ИИЕ / ИИЕТ АН СССР с просьбой дать свои замечания на макет третьего тома «Истории естествознания в СССР» или на рукопись выборки летописных известий, касающихся естествознания (астрономические, биологические, геологические, метеорологические и сейсмологические явления), и др.⁶⁰.

Страсти по ИВАНу: московско-ленинградская «схватка» 1946–1947 гг.

Сложившееся в военные годы двоевластие в управлении Институтом востоковедения АН СССР с временным переносом центра в сторону Московской группы было миной замедленного действия, взрыв которой был не за горами.

В нашем распоряжении имеется ценнейший исторический источник – корпус сохранившейся переписки между Крачковским и Райновым. Ее характер

⁵⁹ СПФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 755. Л. 88 об.—89 об.

⁶⁰ ОР РГБ. Ф. 441. Карт. 15. Д. 40. Л. 1–2 об.; Д. 41.

и содержание убеждают в том, что на самом деле демаркация проходила не между Москвой и Ленинградом, не между московскими и ленинградскими востоковедами, как это выглядело на поверхности, а много глубже. В 1920–1930-е гг. академическое востоковедение подвергалось неоднократному разгрому, в процессе которого многие востоковеды, особенно сотрудники ИВАН, были репрессированы и уничтожены; Крачковский и Алексеев не раз становились объектами разнузданной и гнусной травли, а жизнь Конрада, как уже отмечалось ранее, едва не пресеклась. Не секрет, что востоковедение тесно связано с внешнеполитическими задачами, тем более такого государства, как Советское, для которого наибольшим приоритетом являлось изучение современного Востока, нежели проблемы классической ориенталистики, ориентированные на исторические и филологические исследования. Востоковедение и востоковеды – это по определению «связь с границей», и для обезумевшей сталинской карательной машины лучшего объекта для разработки «шпионов – врагов народа» трудно было придумать. Наконец, центростремительный характер государственной системы, гиперцентрализация всех – «от мала до велика» – вертикалей власти не терпели иных, нестоличных, провинциальных центров, и потому конечная победа в противостоянии якобы между Москвой и Ленинградом была предрешена.

Многоопытный Крачковский в своих письмах Райнову неоднократно высказывал опасения относительно судьбы Института востоковедения АН СССР. Например, отвечая 14 января 1945 г. Крачковскому, Райнов соглашался с ним:

...на меня угнетающее впечатление производит Ваше мрачное отношение к будущему ИВАН. Но боюсь, что Вы во многом окажетесь правы. Здесь В. В. Струве как-то сообщил нам о своем непременном желании покинуть директорство по возвращении института в Л[енинград] и о том, что его вероятным преемником может быть С. А. Козин. Что это сулит? Будет ли лучше?⁶¹

Вскоре, 4 февраля, Райнов сообщал своему корреспонденту о важной встрече с Волгиным, во время которой по инициативе вице-президента АН СССР обсуждался вопрос о судьбе Московской группы:

Во-первых, он спросил нашего мнения (чтобы, как он выразился, иметь материал для суждения в нужном случае) о том, должна ли Моск[овская] группа, задуманная как временная до возврата ИВАН в Л[енинград], быть превращена в постоянный Моск[овский] филиал ИВАН, прибавив, что это необходимо, по его мнению, ввиду того, что ИВАН не может быть сейчас переведен в Москву, что было бы наилучшим исходом. Н. И. Конрад при моем сочувственном кивании ответил утвердительно, мотивировав 1) нуждой Москвы в востоковедном центре, и 2) интересами ИВАН иметь в М[оскве] своего представителя. В. П. Волгин, не раз и Вам говоривший о том же, отнесся сочувственно к этому ответу⁶².

⁶¹ СПФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 755. Л. 42.

⁶² Там же. Л. 45–46 об.

*Василий Васильевич Струве (1889–1965),
академик, директор Института
востоковедения АН СССР (1941–1950)*

Второй вопрос Волгина касался целесообразности концентрации в ИВАНе (включая Московскую группу) изучения всего зарубежного Востока. В том же письме Райнов «доверительно» сообщал о визите в Московскую группу приехавшего из Ташкента секретаря партийных организаций ленинградских учреждений Академии наук, которая сказала, что перед отъездом

Д. И. Тихонов настойчиво требовал от означенной парторганизации вынести постановление о необходимости закрытия «самовольной» Моск[овской] группы ИВАН как вредной для ИВАН (по другому, полученному нами из Т[ашкен]та, известию группа была названа при этом надгробным камнем над ИВАН)⁶³.

По словам ташкентского гостя, — отмечал Райнов — постановка на обсуждение вопроса Тихонова (стоит обратить внимание на эту фамилию!) была отклонена «ввиду его неясности (несмотря на ее беседу с В. В. Струве, который будто

бы ответил уклончиво)». Партийный секретарь ленинградских учреждений Академии была «пока что» удовлетворена предъявленными документами Президиума АН СССР касательно статуса Московской группы.

Трудно сказать, что произошло к апрелю 1945 г., но 22 числа Райнов направил чрезвычайно эмоциональное письмо Крачковскому, в котором среди прочего были следующие слова:

За последнее время я имел слишком много поводов вспоминать о Вашем отсутствии среди нас. Эти поводы нередки были и раньше, но теперь их целая туча, и довольно мрачная, так что становится трудно дышать и молчать. А пойти некуда. Главных поводов — два, один в нашей «группе», другой в новом институте. Не хочу перебирать тот и другой поводы в их «эмпирическом» составе, — и без того тошно. А скажу «метафизически»: суть дела в том, что в новом институте не бывало, а в старом с устрашающей быстротой и последовательностью уходит тот высокий строй, который создали Вы. Воцаряется атмосфера моральной мелкости, учено-житейской пошлости, грязная, липкая тина не духовной (какой тут дух), а обывательской низости. Отчасти мы сами виноваты, — не боремся со всем этим — от слабодушия, брезгливости и непоследовательности. Вам, я думаю, не

⁶³ Там же. Л. 47.

нужно много слов, чтобы понять все это, и я знаю, вернее, – догадываюсь, что Ваш пессимизм относительно ИВАН в значительной степени вдохновляется аналогичным ощущением и впечатлением в Л[енинграде]. Простите, что пишу об этом – иногда невыносимо молчать, хочется кричать⁶⁴.

Кроме внутриинститутских дел причиной душевного смятения Райнова могло быть отчетливое ощущение наступления новых мрачных времен с погромно-идеологическими кампаниями, направленными на науку и культуру. В том же письме Райнов касался новой темы, вызванной цензурными ограничениями, о роли и значении «немцев» в развитии российской науки, и в том числе востоковедения. Вскоре возникает в переписке и еще одна тема – антисемитизм. Так, Райнов сообщал о постигшей его неудаче устроить в ФБОН референтом по новейшей истории стран Ближнего Востока первоклассного специалиста и преданнейшую ученицу Крачковского – Х. И. Кильберг. Директор библиотеки Д. Д. Иванов охотно согласился, но заявил Райнову, что «ему на днях дали понять в отделе кадров АН по другому аналогичному поводу, что кандидатуры лиц такого рода нежелательны»⁶⁵. В ответе Крачковского, пытавшегося оказать содействие Кильберг по линии академической докторантуры, отмечалось:

Финансовые дела института по обыкновению так запутаны, что я ничего толком выяснить не могу: во всяком случае для Кильберг здесь ни на что рассчитывать не приходится. В. В. Струве, как всегда, относится благожелательно, но всеми делами вершит теперь Боровков⁶⁶, а ему до Кильберг (как и до многого другого) столько же дела, как и до прошлогоднего снега. Я для осведомления переслал ей письмо, которое посылал Вавилову, и его ответ, но что можно предпринять по линии академической, совершенно не представляю. Думаю, что здесь замешались какие-то сторонние, достаточно сильные течения, с которыми нам, нормальным людям, не справиться⁶⁷.

⁶⁴ Там же. Л. 55–57. Очевидно, обстановка, встревожившая Райнова, отразилась в письме Конрада к Пигулевской от 25 марта 1945 г.: «Наша жизнь – усложняется. Уж очень много народу стало. Труднее стало поддерживать дисциплину. Ведь некоторые ташкентцы привезли с собой ташкентские привычки (да только ли “ташкентские”?), а они – эти привычки – в нашей группе не ко двору... Тимофей Иванович [Райнов] очень, очень нужен – не только как член коллектива, но и как уч[еный] секретарь» (*Конрад. Неопубликованные работы...* С. 281).

⁶⁵ СПФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 755. Л. 103.

⁶⁶ Александр Константинович Боровков (1904, Ташкент – 1962, Ленинград) – филолог, тюрколог. В 1922–1928 гг. учился на Восточном факультете Среднеазиатского государственного университета, затем в аспирантуре Ленинградского восточного института (с 1929 г. под руководством академика Н. Я. Марра в Яфетическом институте). В 1935 г. получил звание профессора и без защиты диссертации степень кандидата филологических наук. При организации в 1943 г. Узбекской АН избран членом-корреспондентом. В 1945 г. состоял членом бюро парторганизаций ленинградских учреждений АН СССР в Ташкенте; с июля 1946 г. – секретарь партбюро Института востоковедения. В 1946 г. в штатное расписание ИВАН была внесена единица заместителя директора по научной части. Вопреки желанию дирекции Института востоковедения, планировавшего пригласить экономиста и сиолога В. М. Штейна, Боровков при поддержке Ленинградского горкома ВКП(б) занял место зам. директора. В 1950–1959 гг. – старший научный сотрудник ЛО Института востоковедения АН СССР. В 1954 г. Боровков брал творческий отпуск для подготовки докторской диссертации. В 1958 г. избран членом-корреспондентом АН СССР. С 1959 г. работал в ЛО Института языкознания АН СССР (АРАН. Ф. 441. Оп. 4^а. Д. 166).

⁶⁷ ОР РГБ. Ф. 441. Карт. 15. Д. 54. Л. 16–16 об.

Александр Константинович Боровков (1904–1962), заместитель директора Института востоковедения АН СССР (АРАН. Ф. 411. Оп. 4а. Оп. Д. 166. Л. 7)

В марте 1946 г. раздался первый звонок в адрес самого Райнова. Его доклад на заседании Московской группы об античной культуре в оценке аль-Фараби вызвал своеобразную критику со стороны человека, в судьбе которого Райнов принимал немалое участие. Б. Н. Заходер, писал Райнов Крачковскому, «донимал меня за незнание арабского языка, хотя бы в пределах терминологии, но я твердо отстаивал в этой области свои права *doctae ignorantiae*»⁶⁸. Реакцией на это выступление и, видимо, следствием осознания Райновым возможных сценариев дальнейшего развития событий стала его статья «О возможностях и пределах пользования переводами с восточных языков при изучении истории идей на Востоке», посланная Крачковскому 10 апреля. Тот, внимательно прочитавший это эссе, ответил автору:

...оно написано тонко и умно, может быть, более глубоко, чем это доступно рядовому читателю. В основе, правда, Вы говорите не столько о пределах возможности пользования переводами, сколько о возможности самих переводов передавать существо памятника – вопрос вечный, который иногда сводится даже к тому старому сюжету, что «мысль изреченная есть ложь». Я не считаю себя принципиальным противником пользования переводами без обращения к подлиннику, но все дело в известном такте, а сие, как всегда, индивидуально. Известную параллель я чувствую даже в системе стихотворных переводов с подстрочника без знания языка. Обойтись без таковых в развитии литературы, конечно, нельзя, но найти правильный путь, конечно, не легко. Найти же настоящего поэта, который владел бы переводимым языком, почти невозможно⁶⁹.

Несмотря на усложнение ситуации, творческая продуктивность и научно-организационная активность Райнова возрастали и достигли в 1946–1947 гг. максимума. Был завершён фундаментальный труд «Ал-Фараби. Его социально-политическое и философское мировоззрение», который на заседании Московской группы (присутствовало 35 человек) 30 декабря 1946 г. был одобрен, и соответствующее постановление зафиксировало:

⁶⁸ СПФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 755. Л. 85.

⁶⁹ ОР РГБ. Ф. 441. Карт. 15. Д. 54. Л. 13–13 об.

1. Констатировать выполнение плана 1946 года точно в срок и в надлежащем виде (готовая рукопись); 2. Отметить большую научную важность как самой законченной работы, так и скорейшего ее напечатания⁷⁰.

В обсуждении, проходившем под председательством Конрада, участвовали В. И. Авдиев, Е. А. Беляев, Е. Э. Бертельс, Б. Н. Заходер, Н. М. Гольденберг и Г. А. Чарьев. В таком же монографическом и сравнительно-историческом ракурсе, как проведенное исследование об аль-Фараби, Райнов планировал начать изучение Бируни.

23 июня 1947 г. слушался доклад Райнова «О схеме истории идейных движений на Ближнем Востоке». В принятом решении зафиксирована большая ценность выполненной работы как первой в науке попытки установить схему истории идейных движений в Средние века на Ближнем Востоке и содержится рекомендация, «считая необходимым вызвать широкую дискуссию по этому вопросу, просить т. Райнова оформить эту работу в виде статьи для продвижения ее в печать»⁷¹. Ученый выполнил данную рекомендацию, и в процессе доработки образовались три редакции текста; однако вскоре последовавшие роковые события привели к тому, что это не утратившее своего научного значения и выходящее за пределы собственно востоковедения сочинение до сих пор не увидело света.

Наконец, 9 сентября состоялось особой важности заседание бюро Московской группы в составе Конрада (председатель), Струве, Гордлевского, Авдиева, Заходера и Райнова. Слушался доклад Райнова «Проект расширения тематики работ Института востоковедения АН СССР с учетом современного международного положения на Востоке». В ходе обсуждения проекта, в котором приняли участие все присутствовавшие на заседании, постановили:

Считать вопросы, поднятые в сообщении Т. И. Райнова относительно проекта расширения тематики работ ИВАН СССР с учетом современного международного положения на Востоке, крайне важными, просить Т. И. Райнова развить этот проект на основе предварительного обмена мнений и – продолжить обсуждение выдвинутых т. Райновым вопросов на заседании бюро группы в конце сентября м-ца с.г. в присутствии директора ИВАН СССР акад. В. В. Струве⁷².

Как видно, Райнов оказался в эпицентре событий по реформированию отечественного востоковедения, исход которого был не ясен не только академическому, но даже и политическому руководству.

Широта кругозора, талант в составлении всевозможных проектов и научно-организационных записок, исполнительность Райнова, естественное развитие ситуации и послужили причиной его оргактивности. Так, ввиду отсутствия по состоянию здоровья Конрада, именно Райнов был вызван летом 1946 г. в Управление агитации и пропаганды ЦК ВКП(б), где состоялась, общал он Крачковскому, «довольно продолжительная беседа с т. Митиным,

⁷⁰ ОР РГБ. Ф. 441. Карт. 1. Д. 13. Л. 1.

⁷¹ Там же. Л. 2.

⁷² Там же. Л. 3.

который и в других случаях занимался нашими делами. Я одновременно ставлю об этой беседе в известность Вас и В. В. Струве»⁷³. При вызове в ЦК Райнову было предложено захватить с собой отчетные сведения об аспирантуре ИВАН по Ленинграду и Москве, включая данные о фамилии, специальности, теме диссертации и годе прохождения обучения каждого соискателя. Но кроме этого Райнов показал собственные результаты сопоставления данных о 23 аспирантах и докторантах в Ленинграде и о 15 – в Москве, обратив особенное внимание на ряд дефицитных или скупо представленных специальностей. На вопрос о причинах этого он отвечал ссылкой на войну и на недостаточность соискателей (как в Москве, так и в Ленинграде). Указывал он и на то, что некоторое неровное пополнение идет из национальных республик. Наряду с обстоятельным обсуждением аспирантских проблем рассматривался также вопрос о создании нового Института современного Востока. Собеседник Райнова уведомил, что в

ЦК нет возражений против него, и что его необходимость диктуется отсутствием возможности у правительства черпать нужную ему информацию из ИВАН. Что касается кадров для будущего института, то в ЦК знают, что это – труднейшая проблема, которая будет решаться долго, болезненно и качественно плохо. Будут искать людей всюду, – по-видимому, заберут кое-кого и у нас. Взаимоотношения ИВАН с новым институтом мой собеседник представляет себе как мирные и основанные на взаимном дополнении и кооперации [...] у меня не сложилось впечатления, что в ЦК ценят область работы ИВАН, – по крайней мере мой собеседник, в общем, правда, благожелательно настроенный⁷⁴.

21 марта 1947 г. председатель Московской группы Института востоковедения Конрад направил в Президиум АН СССР записку с ходатайством о преобразовании группы в Московское отделение ИВАН. Констатируя, что организованная в 1943 г. и утвержденная в 1944 г. постановлением Президиума АН СССР Московская группа Института востоковедения за четыре года своего существования объединила в своем составе значительные и высококвалифицированные кадры востоковедов Москвы (в том числе одного академика, двух членов-корреспондентов АН СССР и трех докторов – специалистов в области тюркологии, иранистики, японистики и корееведения), активно проводила научно-исследовательскую и научно-организационную работу и успешно участвовала в своей области в подготовке новых научных кадров, фактически осуществляя во всех этих направлениях функции Московского отделения Института востоковедения АН СССР, а также принимая во внимание ходатайство дирекции и ученого совета Института востоковедения о преобразовании Московской группы института в Московское его отделение, ходатайство, поддержанное бюро Отделений литературы и языка и истории и философии, в прилагавшемся проекте постановления Президиума Академии наук констатировалось:

⁷³ СПФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 755. Л. 93.

⁷⁴ Там же. Л. 95.

1) Признать целесообразным и своевременным преобразование Московской группы Института востоковедения АН СССР в Московское отделение Института АН СССР; 2) По согласованию с дирекцией Института востоковедения обеспечить Московское отделение Института востоковедения АН СССР необходимыми средствами на организационно-научные и хозяйственные расходы⁷⁵.

Все эти и другие активные действия москвичей не могли остаться без внимания в Ленинграде. Необходимо пояснить: петербуржец / ленинградец Крачковский – инициатор и создатель Московской группы ИВАН – считал необходимым наряду с Ленинградом иметь устойчивый центр востоковедения и в Москве. Позиция директора ИВАН Струве была неопределенной – он обыкновенно следовал в фарватере «властных сфер». По свидетельству современников и иных источников, Струве отличался высокой степенью конформизма, всячески избегал каких-либо конфликтов и нередко прибегал к «политическим» болезням. В эти годы реальная власть в ИВАНе переходила к иным людям, в том числе к члену-корреспонденту АН УзССР А. К. Боровкову, ставшему в 1947 г. заместителем директора.

Первый удар по москвичам не заставил себя долго ждать. Администрация Института востоковедения воспользовалась довольно характерной для Академии наук небрежностью, юридической недооформленностью ряда положений, в том числе не до конца определенным статусом Московской группы. 22 апреля 1947 г. Райнов написал предельно резкое письмо:

Дорогой и глубокоуважаемый Игнатий Юлианович [...] Простите, что, кстати, затрудняю Вас еще одною просьбою. После того как В. В. [Струве] так печально для всех заболел, в администрации ИВАН, по-видимому, начали утверждаться нравы, основу которых положил Гитлер 21/VI 41 г. Все делается по его образцу. Сперва – изъявление дружеской привязанности и изъявление готовности активно продвигать вопрос о группе. Но через некоторое время вместо этого – жестокое нападение: в финотдел АН администрация ИВАН сообщает распределение средств по смете на 1947 г., но Моск[овская] группа там не предусмотрена. Только визит Н. И. Конрада к Шидловскому⁷⁶ отчасти парализовал эту дружескую диверсию ташкентского стиля, потому что Ш[идловск]ий согласился по-прежнему выплачивать зарплату здесь; но на другие расходы – ничего. И это – без всякого предупреждения во время недавнего приезда Н. И. [Конрада] в Л[енингра]д. На наши телеграммы и письма по этому делу – не отвечают.

Мало этого. Третьего дня И. И. Мещанинов, проверяя в бюро отделения с Н. И. Конрадом списки сотрудников ИВАН, в частности, и по делам переездистации, обнаружил, что в только что полученном из ИВАН списке нет Е. Э. Бертельса, Л. Е. Глускиной, Н. М. Гольдберга и меня: мы упразднены в составе института, и опять без предупреждения и разъяснения. Я не знаю, как это квалифицировать. И. И. Мещанинов своею рукою просто вписал всех «пропущенных», но решает ли это дело? Может быть все

⁷⁵ АРАН. Ф. 1675. Оп. 1. Д. 241. Л. 1–4.

⁷⁶ Павел Гаврилович Шидловский с 1920-х гг. работал в системе АН СССР, в 1934–1965 гг. – возглавлял финансово-плановую структуру Управления делами АН СССР.

вышеназванные просто удалены из ИВАН? И за что именно? Естественно, что мы заинтересованы всем этим.

Дело осложняется тем, что, ввиду новейшей политики временного руководства ИВАН и в случае ее продолжения, Н. И. Конрад намерен ходатайствовать в президиуме и перед директором института об отставке — за невозможностью жить так дальше. Ясно, что это повлечет за собою ликвидацию группы, и м.б. это даже и имелось в виду. Есть ли у Вас обо всем вышесказанном какая-либо информация, и что нам делать в таких условиях? [...] Вот совет, о котором я прошу Вас. Я знаю Вашу общую установку. Но что здесь делать, по Вашему мнению, сейчас? И делать ли что-либо? Вопрос задаю я от себя, хотя, вероятно, Н. И. [Конрад] вполне бы ко мне присоединился, если бы знал, что я пишу. Простите, что затрудняю Вас. Но это не только мое личное дело⁷⁷.

Вмешательство Крачковского и твердая позиция Конрада на короткое время приглушили остроту ситуации, и противники сделали вид, что никакого «антимосковского заговора» не было и в помине, а произошло чисто административное недоразумение. Крачковский, общаясь со Струве, прекрасно понимал: либо директор не в теме, либо, по обыкновению, пытается лавировать. В письме Райнову от 6 мая Крачковский, рассказывая о своей беседе, отмечал:

Повторяю, что обо всем этом без проверки «альтера парс» мне судить трудно, но большего сделать теперь не могу. Разговоров каких-нибудь о группе я не слыхал, но, несомненно, некая игра будет около предполагаемого перевода ряда академических учреждений в Ленинград, когда позакрываются и филиалы их. Струве очень озабочен тем, что якобы Вавилов где-то сказал, что практическое востоковедение должно быть в Москве, а научное только в Ленинграде. Я подозреваю, что это — апокриф, на котором кто-то играет, а если он и говорил, то «закрывать» научное востоковедение в Москве не только не в силах Вавилова, но и всей академии. Оно существовать будет, но при таком положении — вне академии, что для самой же академии будет вредно⁷⁸.

Конрад видел подлинные документы, исходившие от временного руководства ИВАН, которые не оставляли никаких сомнений в замышлявшейся диверсии в отношении Московской группы со стороны зам. директора по науке тюрколога А. К. Боровкова и ученого секретаря тюрколога А. Х. Рафикова (по характеристике Крачковского, «человека достаточно “пещерного”») и К^о.

Райнов, занимая в 1940-е гг. ключевые позиции в организации и развитии востоковедения в Москве, вместе с тем являлся наиболее слабым звеном, по которому и не замедлили нанести сокрушительный удар противники. Пока академия неспешно и опасливо искала варианты решения с определением места и статуса Московской группы, подоспела благоприятная ситуация — в 1947 г. началась аттестация старших научных сотрудников.

Процедура аттестации, давно апробированная как наиболее справедливая и демократичная форма экспертизы профессиональной состоятельности научного сотрудника, не должна была предвещать каких-либо опасений.

⁷⁷ СПФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 755. Л. 112 об.—114.

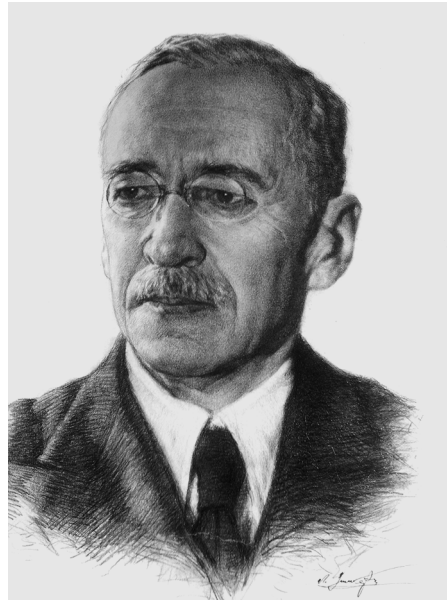
⁷⁸ ОР РГБ. Ф. 441. Карт. 15. Д. 54. Л. 18 об.

Результаты научной и научно-организационной деятельности Райнова за отчетный (1944–1947) период были таковы, что вряд ли кто из его коллег мог продемонстрировать лучшие. Позиция руководства Московской группы и дирекции ИВАНА были однозначны: «Считать необходимым оставить в составе в должности с.н.с.»⁷⁹. Это подкреплялось мнением парторганизации: «Оставить, как обладающего широким кругозором, большой работоспособностью и знанием литературы, возмещающим незнание вост. языков». Об отношении к Райнову как специалисту по истории идей на средневековом Востоке самого авторитетного арабиста Крачковского и других выдающихся востоковедов говорилось здесь неоднократно. Но в советском мире были силы более могущественные, чем мнения экспертов наивысшей категории, дирекции академического учреждения и даже партийной организации! Олицетворением этой «таинственной» силы в данной конкретной ситуации ноября 1947 г. стал уже упоминавшийся Боровков.

Сохранилась стенограмма заседания бюро Отделения литературы и языка АН СССР от 1 ноября 1947 г., в которой зафиксирован процесс исключения Райнова из состава отечественных востоковедов.

Председательствовал академик-секретарь отделения И. И. Мещанинов — лингвист, археолог, крупный организатор науки. Открывая «ответственное» заседание, он отметил, что из девяти членов бюро отделения присутствуют (кроме председателя) П. И. Лебедев-Полянский, Н. Ф. Бельчиков, С. Г. Бархударов, Н. И. Конрад и В. Ф. Шишмарев. Именно они рассматривали итоги работы всех к тому времени утвержденных в звании старших научных сотрудников ВАКом или Президиумом АН СССР востоковедов, как ленинградских, так и московских. Заседание проходило в строго закрытом порядке, каждая кандидатура рассматривалась персонально, но в отсутствие (!) аттестуемого. Мещанинов, предвзято начало работы бюро, особо подчеркнул:

Заседание закрытое, высказывания остаются в пределах этой комнаты. Стенограмма фиксируется, но сдается затем в спецчасть. Просьба не оглашать тех разговоров, которые здесь будут, потому что эти разговоры

Иван Иванович Мещанинов (1883–1967), академик-секретарь Отделения литературы и языка АН СССР (1934–1950). Рис. Л. А. Зильберштейна (АРАН. Ф. Р. X. Оп. 1-м. Д. 121)

⁷⁹ ОР РГБ. Ф. 441. Карт. 1. Д. 4. Л. 12.

тем самым могут быть более свободными и профиль каждого человека благодаря этому уточнится⁸⁰.

Райнова представлял его руководитель Конрад, который, поскольку сам не мог давать отзыва, зачитал характеристику, присланную Крачковским. Этот примечательный текст, сохранившийся в личном деле Райнова, приведу полностью:

Доктор исторических наук профессор Тимофей Иванович Райнов является одним из крупнейших и старейших у нас историков науки. Получив двойное высшее образование – политехническое и гуманитарное, он еще в первом десятилетии текущего века составил себе имя работами, на первых порах преимущественно в области психологии художественного творчества и истории философии, которые переплетались и литературоведческими исследованиями.

Переходя постепенно от истории философии к истории науки, Т. И. Райнов в 1940 году суммировал ряд своих исследований в большом труде «Наука в России XI–X[V]II веков», совершенно новым по замыслу и по выполнению. Только двойное широкое образование дало возможность осуществить такой труд в сочетании с кропотливыми исследованиями, иногда порядка архивных разысканий. Эта книга является одной из прокладывающих новые пути.

Занимаясь историей развития науки в Европе, во время эвакуации Т. И. Райнов был подведен самой жизнью к тем же вопросам в культурном развитии на Востоке. Широкий исторический горизонт позволил ему быстро ориентироваться и в этой области. Выпущенная во время войны брошюра его об ученых средневекового Узбекистана является очень интересным опытом построения широкой синтезирующей картины.

С этого времени сюжеты, связанные со средневековым Востоком, оказываются в центре его внимания. Им закончена большая работа, посвященная философу X века ал-Фараби, и подготовлена схема истории идейных движений в Средние века на Ближнем Востоке. Все труды Т. И. Райнова очень богаты свежими соображениями, которые вызывают плодотворные мысли.

Для Института востоковедения он является незаменимым участником общей работы, внося не представленную никем другим линию энциклопедиста-историка науки с чрезвычайно широким горизонтом. В этом отношении он представляет, несомненно, единственный у нас пример. Его инициативность и организованность немало содействует подъему работы всех сотрудников на должную высоту.

Ленинград
10/VII 1947⁸¹.

Академик
И. Крачковский.

⁸⁰ АРАН. Ф. 456 с. Оп. 8. Д. 179. Л. 2.

⁸¹ АРАН. Ф. 411. Оп. 39. Д. 1414. Л. 21–21 об. Машинопись. Подпись – автограф. Документ впервые опубликован с небольшими разночтениями и неточной датировкой в: *Микулинский С. Р.* Проблемы истории науки в трудах Т. И. Райнова // *Микулинский С. Р.* Очерки развития историко-научной мысли. М.: Наука, 1988. С. 325–326.

Первым, кто обозначил проблему незнания Райновым восточных языков, был Мещанинов. Струве мягко парировал:

Я спросил мнение Е. Э. Бертельса об эффективности, чтобы иметь суждение. В свое время Е. Э. [Бертельс] относился несколько отрицательно к работе Тимофея Ивановича, поскольку он не знает восточных языков, я спросил его мнения относительно этой (об аль-Фараби. – С. И.) работы, Е. Э. заявил, что работа эта очень интересная, заслуживает того, чтобы быть напечатанной.

Тут включился в обсуждение Лебедев-Полянский: «Он не знает языков?» Ответ Конрада: «Не знает ни одного языка»⁸². Струве:

Как Я. И. Смирнов⁸³ – тоже не знал, но он считался востоковедом чрезвычайно ценным. А тут история науки – это является такой специальностью, в которой очень ценно знать методику истории западной науки. Тем самым он дает ряд очень ценных наблюдений, которые признаются такими знатоками, как Игнатий Юлианович.

Выслушав комментарии Струве, Лебедев-Полянский⁸⁴ перешел в наступление:

Я хочу высказать такие соображения очень видных членов Института востоковедения, как Василий Михайлович [Алексеев], Игнатий Юлианович [Крачковский], – и официально в довольно решительной форме, и в частных разговорах в еще более решительной форме они выступали и говорили, как же он может заниматься, если он не знает языка? Василий Михайлович просто говорит: «Как же он может судить, если он не может читать по-китайски?» Этот аргумент выдвигался, когда дело касалось совсем молодых людей. Всегда это считали большим минусом. А здесь человек пишет работу и не знает ни одного восточного языка. Как же так? Ну хотя бы какой-нибудь язык знал [...] А сами сотрудники Института востоковедения всегда возражают: как это занимаются и не знают языка? И Николай Иосифович [Конрад] тоже говорил, что нельзя заниматься филологией без языка. А тут ни одного.

Затем голос подал Боровков – главное действующее и наиболее заинтересованное в спланированной против Райнова кампании лицо:

⁸² АРАН. Ф. 456 с. Оп. 8. Д. 179. Л. 70.

⁸³ Яков Иванович Смирнов (1869–1918) – академик, археолог, историк искусства.

⁸⁴ Павел Иванович Лебедев-Полянский (1882–1948) – партийный и государственный деятель, литературовед, академик (1946). С 1917 г. – член коллегии Наркомпроса, с момента возникновения в 1918 г. – действительный член Социалистической академии, председатель Всероссийского пролеткульта и т.д.; создатель советской цензуры (с 1922 по 1931 г. возглавлял Главлит). В 1930–1940-е гг. участвовал в преследовании многих ученых по идеологическим соображениям, возглавлял различные партийные кампании по разгрому «буржуазного» литературоведения. С 1939 г. – заместитель академика-секретаря Отделения литературы и языка АН СССР.

*Павел Иванович Лебедев-Полянский
(1882–1948), академик
(РАН. Ф. 4 II. Оп. 8. Д. 89)*

Я не хочу защищать такие вещи. Я хочу только сказать, что для нас вопрос об истине научной очень важен. В данном случае чем объяснить, — Тимофей Иванович — очень хороший человек, очень образованный и очень нужный. Это наше несчастье, которое свидетельствует о том, что востоковеды в ряде случаев в общих вопросах — методических и исторических отстали.

Раз [разговор] принимает принципиальный характер, то я стоял бы [на] такой принципиальной точке зрения, что такой образованный человек может работать не в Институте востоковедения, принося большую пользу своими советами, указаниями, консультациями.

Главный тезис Боровкова — ради «научной истины» Райнов может (должен!) работать вне Института востоковедения.

Специалист по Древнему Востоку Авдиев отметил, что аттестуемый

незнание восточных языков [...] возмещает огромным знанием литературы, большой трудоспособностью, широким кругозором. И на всех всегда действовала та высокая оценка его работ, которую давала наша кафедра, в частности, Крачковский, который дал блестящий отзыв в его деле. Он считает его незаменимым работником. И Вас. Вас. [Струве] тоже о нем такого высокого мнения. Но с точки зрения общественной я не могу о нем ничего другого сказать, но считаю, что отсутствие знания восточных языков является крупным недостатком.

Наиболее прямолинейная и вполне характерная для своего времени аргументация звучала в рассуждении «тов. Тихонова». Обращаясь к Конраду, он вопрошал:

...я бы просил рассеять мои сомнения: написана работа в 25 печ. листов, человек не пользовался текстом Альфораби. Точны ли все исследования у Альфораби, его терминология, его философские взгляды? Насколько тов. Райнов точно понял философскую систему и взгляды по источникам западноевропейским? Когда мы ставим вопрос, чтобы наша советская наука ни в коей мере не находилась в зависимости от буржуазной европейской науки, Райнов вынужден исходить из положений буржуазных востоковедов, исследователей Альфораби, потому что они перевели. А как вы можете доказать, что все эти истолкования правильные? Философская терминология весьма не разработана. В какой мере ему удалось выйти из зависимости от английских, немецких и др. исследователей Альфораби?

В какой мере он может противопоставить самостоятельную точку зрения, основываясь на тексте Альфороби? Я бы просил Ник. Иос. [Конрада] ответить, поскольку работа была представлена в группу и они имели суждение.

В нормальной научной дискуссии ответ Конрада снимал бы все вопросы и сомнения, но аттестация Райнова шла в совершенно иной плоскости. Конрад отметил, что обсуждение книги об аль-Фараби проходило не в филологическом аспекте, а в историко-философском, что незнание автором восточных языков

ни для кого не секрет, так же как это не было секретом, когда Институт востоковедения приглашал его к себе на работу. Во всяком случае в ваше, Д. И. [Тихонов], время, когда вы входили в дирекцию, Тимофей Ив. был принят. Эти соображения тогда не играли роли [...] – существует довольно много трактатов Альфороби на разных языках и Тим. Ив. проделал очень большую работу по изучению всех вариантов перевода и остановился на том, что он по многочисленным исследованиям, существующим на западноевропейских языках, считал наиболее правильным. Мы знаем, что большего от него требовать нельзя. Считаем, что при нынешнем состоянии знаний, в частности, литературы, этим крупнейшим ученым по Средней Азии это сделано очень хорошо. Во всяком случае это открывает возможности в дальнейшем другим работать по этим авторам и, может быть, с источниками. Но это будет прекраснейшим вкладом в это дело. Игнатий Юлианов. относится так же, и работа была принята.

Напомню, аттестация происходила в конце 1947 г., в разгар кампании по борьбе с «низкопоклонством перед Западом» и «безродными космополитами», и уйгуровед Тихонов настаивал – в какой мере Райнов «проявил самостоятельность» в исследовании философии аль-Фараби, «независимо от того, какую позицию заняли на западе ученые, – вот что меня интересует».

Струве предпринял последнюю попытку отвести прозвучавшие политически опасные претензии:

Дорогие товарищи, я должен сказать одно: можно быть востоковедом, но не быть философом? Это трудно. Я думаю, что если востоковед, не будучи философом, будет изучать философский восточный трактат, то с точки зрения философии этот трактат будет неудовлетворительным. Так что тут можно подойти с такой точки зрения: философ, историк науки, он берет эту тему. Игн. Юл. это признал.

Так как здесь поднимался вопрос об истории пребывания Тим. Ив. здесь, и поскольку Д. И. [Тихонов] не берет на себя эту ответственность, как ученый секретарь он имеет полное право взять, – то должен сказать, что я пригласил его в ташкентское время. Когда он приехал в Москву, он оказался полезным и московской группе. Игн. Юл. его признавал полезным человеком, а мнение Игн. Юл. для нас очень ценно.

Боровков парировал:

Мы должны решать вопрос не о прошлом, а решать принципиально вопрос о закономерности пребывания Тим. Ив., которого как человека я очень уважаю и считаю, что он останется моим другом и в будущем, но здесь речь идет о том, что в востоковедении мы так связаны с источниками, особенно в постановке широких проблем. Доклад, который я здесь заслушал, все то, что говорилось о развитии идеологии, – это книга за 7-ю печатями. Надо горы материалов поднять, чтобы сказать что-нибудь о развитии суфизма. Так как он не знает материала, он может высказывать соображения умозрительные, ни одного памятника научного не втягивает в оборот.

Видимо, нервничая, Боровков далее проговорился о чрезмерно широкой эрудиции Райнова, который выступает по любому вопросу, будь то Египет, Африка и т.д. Боровков, если стенограмма точно передает смысл его слов, допускал возможность представить себе Райнова и как историка Востока, но почему – задавался все тот же вопрос – он обязательно должен работать в Институте востоковедения? И далее делал окончательный итоговый вывод: «...целесообразно во всех отношениях, чтобы Тим. Ивановича не оставляли в Ин-те востоковедения».

В завершение дискуссии Лебедев-Полянский, давно и больше, чем кто-либо из присутствовавших, знавший Райнова⁸⁵, много и долго говорил о недопустимости для старшего научного сотрудника Института востоковедения незнания восточных языков, о задачах переаттестации, о ненормальном положении в академических институтах и в ИВАНе особенно, и потому в «отношении лиц, которые нам очень нравятся и которых мы просто любим, нам все-таки придется голосовать против». Заместитель академика-секретаря Отделения языка и литературы, не читавший рукописи работы Райнова об аль-Фараби, тем не менее уверенно констатировал – удовлетворительную работу он написать не мог, поскольку

философия – наука очень трудная. Как же можно комментировать с нашей, советской точки зрения такие отдельные памятники, пользуясь только буржуазными источниками? Буржуазные философские памятники не отвечают тем задачам, которые стоят перед нами в современный момент. У нас задачи сложные.

И так же как Боровков, Лебедев-Полянский не выдержал и проговорился:

...у Тим. Ив. слишком много специальностей. Я понимаю, можно быть человеком всесторонне развитым, но уж слишком много. Он пишет и по философии, и по филологии, и по западной, и по русской.

Когда Лебедев-Полянский в очередной раз вернулся к вопросу о незнании Райновым восточных языков, председатель заседания Мещанинов объявил:

---

⁸⁵ С 1920-х гг. в Комкадемии. В вышедшем в 1935 г. девятом томе «Литературной энциклопедии», редколлегию которой в это время возглавлял Лебедев-Полянский, была опубликована краткая статья о Райнове, характеризовавшая его как идеалиста, неокантианца, махиста и проч.

Будем голосовать. Никто не отрицает, что Тим. Ив. очень крупный ученый, но возникает вопрос, можно ли в Ин-те востоковедения заниматься, не зная восточных языков?⁸⁶

По результатам тайного голосования при одном «за» оставление (это, безусловно, был голос Конрада) и пяти «против» аттестационная комиссия вынесла постановление – «Отчислить»⁸⁷.

Трудно представить, какие чувства удивления и смятения захватили Райнова. Так долго, усердно и любовно выстраивавшийся им мир отвергнул его, причем теми, кто в реальности не имел отношения ни к истории востоковедения (арабистики), ни к истории науки, ни к истории идей. Словно в неожиданно налетевший шторм Райнова смыло за борт мутной волной, и корабль советского востоковедения без него поплыл дальше.

Выброшенный на берег

Буквально через день после аттестации Райнов написал письмо президенту Академии наук Вавилову, в котором, информируя о произошедшем с ним на бюро Отделения литературы и языка, задавал вопрос: «...существует ли для ученого, занимающегося историей науки (в разных ее областях) в рамках и в связи с проблемами общей истории, возможность найти в рамках АН институт, более отвечающий такому профилю»⁸⁸. Получив 22 ноября под роспись выписку из протокола заседания бюро об отчислении из Института востоковедения, Райнов написал пространное мотивированное заявление в Президиум АН СССР с просьбой отменить постановление как необоснованное. Кроме отсылки к оценке его деятельности, данной Крачковским, Конрадом, дирекцией ИВАН, руководством Московской группы и парторганизацией, Райнов спрашивал: почему вопреки мнению авторитетного большинства возникла странная и парадоксальная ситуация, при «которой Бюро соглашается с мнением о моем отчислении из ИВ АН специалиста по узбекскому языку проф. Боровкова, весьма далекого от арабистики и, в частности, от истории арабской науки и философии»⁸⁹. Если бюро отделения нашло возможным согласиться с проф. Боровковым, оно, продолжал Райнов, по-видимому, подобно проф. Боровкову, основывается на том, что «нецелесообразно оставление в институте историка Востока, не знающего восточных языков». Далее следовал аргументированный разбор этого тезиса.

Райнов писал:

Во-первых, я должен сказать, что я не «историк Востока» вообще, а только историк научных и философских идей, занимающийся уже около 10 лет изучением т[ак] наз[ываемой] арабской науки и философии.

⁸⁶ АРАН. Ф. 456 с. Оп. 8. Д. 179. Л. 81.

⁸⁷ ОР РГБ. Ф. 441. Карт. 1. Д. 4. Л. 12; АРАН. Ф. 411. Оп. 39. Д. 1414. Л. 28.

⁸⁸ ОР РГБ. Ф. 441. Карт. 14. Д. 22. Л. 1 об.

⁸⁹ Там же. Карт. 1. Д. 14. Л. 8.

Я действительно не знаю восточных языков и, в частности, – арабского и персидского, облегчающих доступ к изучению источников по истории арабской науки и философии. Это было известно руководству института еще с 1942 года, когда я поступил в институт именно для изучения истории арабской науки и философии. Это было известно приблизительно с тех пор также главному авторитету в области советской арабистики, работающему и в Институте востоковедения, академику И. Ю. Крачковскому.

Конечно, незнание арабского и персидского языков является дефектом научной подготовки для той работы, которую я веду в Институте востоковедения.

Однако это не мой личный дефект, а неизбежное следствие того необходимого разделения труда, которое в настоящее время характеризует все области знания. Оно приводит к необходимости более или менее своеобразной специализации и формирования исследователей соответствующего профиля. Это общеизвестно и доказательств не требует.

Специальность, в области которой я работаю уже более 25 лет, т.е. истории науки и связанных с нею вопросов мировоззрения преимущественно в эпоху Средних веков, тоже имеет свой профиль. Главным в этом профиле является ориентация в содержании науки и философии в Средние века, способность разбираться в том, что здесь было прогрессивным и что тормозило развитие знания, в каких социально-политических и идеологических условиях развивалась наука Средневековья и как при всем этом в разных странах в течение многих веков вырабатывалась и относительно совершенствовалась единая объективно-истинная наука. Для проникновения в содержание науки в Средние века необходимо владеть многими языками, как древними, так и новыми, потому что в той или иной степени наука разрабатывалась и тогда не одним, а многими народами. Все это, как правило, выходит за рамки специальности арабиста-филолога и требует особого профиля⁹⁰.

В своем заявлении Райнов ссылался на собственный опыт и пояснял путь, приведший его от изучения истории науки в Западной Европе и России к необходимости исследования арабской науки. И тогда перед ним возник вопрос о способе пользования соответствующими источниками:

Должен ли я был непременно изучить для этого арабский (и отчасти дополнительно – персидский)? Я пришел к заключению, что в этом для меня сейчас нет крайней необходимости. Дело в том, что в результате более чем столетней переводной и комментаторской работы нескольких поколений крупных и рядовых арабистов-филологов накопилось огромное множество научно выполненных переводов произведений научной и философской литературы арабоязычных народов Средних веков. Переводы эти изготовлялись учеными филологами, всю жизнь посвятившими изучению арабского языка и литературы.

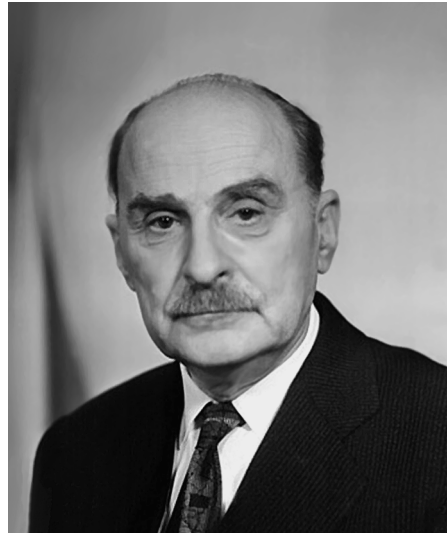
Далее Райнов рассуждал о принципиальной разнице в профессии, в предмете изучения востоковеда-филолога и востоковеда – историка знаний, о необходимости соответствующей специальной подготовки для одних и других

⁹⁰ Там же. Л. 2.

и т.д. Говоря о принципиальной возможности опираться историку науки на существующие археографические издания восточных текстов, Райнов обращал внимание на то, что этот вопрос уже рассматривался и решался положительно великим русским востоковедом, учителем всех отечественных арабистов, включая Крачковского, академиком В. Р. Розеном, который еще в XIX столетии писал:

При существовании надежных переводов и комментариев историк, даже не знающий ни одной буквы данного языка, имеет полное и неотъемлемое право и даже обязанность судить о достоинстве этих переведенных исторических памятников.

Николай Иосифович Конрад (1891–1970), академик, руководитель Московской группы Института востоковедения АН СССР

Райнов был не одинок в попытке опротестовать несправедливое решение бюро Отделения языка и литературы АН СССР. Еще 10 ноября его руководитель Конрад обратился в официальном порядке к президенту Вавилову. Заявляя о своем несогласии с вынесенным решением, он также отметил, что Райнов, не имеющий никакого совместительства, по отчислении оказывается безработным⁹¹. Конрад предпринимал и другие, более решительные действия вплоть до заявления о своей отставке, поданного им на имя директора ИВАН и академика-секретаря отделения⁹². Однако стена, воздвигнутая на пути Райнова, оказалась непреодолима. Поняв это, он подал заявление об уходе «по собственному желанию» и в конечном итоге с 20 января 1948 г. оказался в Фундаментальной библиотеке общественных наук АН СССР (до 1936 г. – Библиотека Коммунистической академии). Таким образом, круг жизни Райнова замкнулся: он вернулся туда, где в 1923 г. начинал свою научную карьеру.

* * *

1 июня 1950 г. ИВАН был переведен из Ленинграда в Москву, и институт перешел в Отделение истории и философии АН СССР. К тому времени Конрад временно вынужден был уйти на пенсию, а 24 января 1951 г. не стало

⁹¹ АРАН. Ф. 1675. Оп. 1. Д. 242. Л. 1–1 об.

⁹² Там же. Д. 245. Л. 1, 2. Даже тогда, когда ситуация с Райновым разрешилась, Конрад 12 февраля 1948 г. в письме к Мещанинову утверждал: «Райнов крайне важный, может быть, более важный, чем многие так называемые востоковеды со знанием языка, член группы» (Конрад. Неопубликованные работы... С. 298).

Крачковского. Имя Райнова исчезло из анналов отечественного востоковедения; о нем нет упоминания даже в наиболее полных специализированных справочно-энциклопедических изданиях.

References

- Dolinina, A. A. (1994) “*Nevol'nik dolga*” (*nauchnaia biografiia akademika I. Iu. Krachkovskogo*) [*“A Thrall of Duty”: A Scientific Biography of Academician I. Iu. Krachkovskii*]. Sankt-Peterburg: Tsentr “Peterburgskoe vostokovedenie”.
- Grinina, I. R. (2015) Novye materialy k istorii arkhograficheskoi serii “Nauchnoe nasledstvo”: istoriograficheskii proekt T. I. Rainova [New Materials on the History of the Archeographic Series “Scientific Heritage”: A Historiographic Project of T. I. Rainov], in: *Institut istorii estestvoznaniia i tekhniki im. S. I. Vavilova. Godichnaia nauchnaia konferentsiia. 2015 g.* [S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology. Annual Scientific Conference. 2015]. Moskva: LENAND, pp. 319–324.
- Grinina, I. R. and Ilizarov, S. S. (1990) 40 let arkhograficheskoi serii “Nauchnoe nasledstvo” [40th Anniversary of the Archeographic Series “Scientific Heritage”], *Arkhograficheskii ezhegodnik za 1989 god* [Archeographic Yearbook, 1989]. Moskva: Nauka, pp. 3–18.
- Ilizarov, S. S. (2013) Istorik nauki T. I. Rainov – uchenik A. S. Lappo-Danilevskogo [The Historian of Science T. I. Rainov as a Disciple of A. S. Lappo-Danilevsky], *Klio*, no. 12, pp. 136–140.
- Ilizarov, S. S. (2013) Neizvestnoe o maloizvestnom: T. I. Rainov i V. I. Vernadskii [Unknown Regarding Little Known: T. I. Rainov and V. I. Vernadsky], *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki*, no. 4, pp. 97–137.
- Ilizarov, S. S. and Grinina, I. R. (2016) “Nauchnoe nasledstvo” – stareishee seriinoe izdanie po istorii nauki [“Scientific Heritage”: The Oldest Series on the History of Science], *Otechestvennye arkhivy*, no. 1, pp. 31–39.
- Institut vostokovedeniia v 1945 g. Vospominaniia sotrudnikov (zapis' i redaktsiia D. E. Bertel'sa). Predislovie i publikatsiia S. I. Marakhonovoi [Institute of Oriental Studies in 1945. Reminiscences of Contemporaries. Edited by D. E. Bertel's, Foreword and Publication by S. I. Marakhonova] (2011), *Trudy Arkhiva vostokovedov Instituta vostochnykh rukopisei RAN* [Proceedings of the Archive of Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts of the RAS]. Moskva: Vostochnaia literatura, no. 1. Trudy vostokovedov v gody blokady Leningrada (1941–1944) [Oriental Studies in the Years of the Siege of Leningrad].
- Khairullaev, M. M. (1982) *Abu Nasr al-Farabi. 873–950* [Abu Nasr al-Farabi. 873–950]. Moskva: Nauka.
- Kolpakova, N. V. (ed.) (2007) *Krachkovskii Ignatii Iulianovich (1883–1951): Bibliograficheskii ukazatel'* [Krachkovskii Ignatii Iulianovich (1883–1951): A Bibliography]. Sankt-Peterburg: BAN.
- Konrad, N. I. (1996) *Neopublikovannye raboty. Pis'ma* [Unpublished Works. Letters]. Moskva: ROSSPEN, 1996.
- Kuznetsov, B. G. (1984) *Vstrechi* [Meetings]. Moskva: Nauka.
- Mikulinskii, S. R. (1988) Problemy istorii nauki v trudakh T. I. Rainova [Problems of the History of Science in T. I. Rainov's Works], in: Mikulinskii, S. R. *Ocherki razvitiia istoriko-nauchnoi mysli* [Development of Historico-Scientific Thought. Essays.]. Moskva: Nauka, pp. 325–326.
- Rainov, T. I. (1943) *Velikie uchenye Uzbekistana (IX–XI vv.)* [Great Scientists of Uzbekistan (9th-11th Centuries)]. Tashkent: Izdatel'stvo UzFAN.
- Rainov, T. I. (1945) Tvorcheskii oblik V. L. Komarova [Creative Character of V. L. Komarov], *Izvestiia Akademii nauk Soiuza SSR. Otdelenie literatury i iazyka*, vol. 4, no. 1, pp. 1–4.
- Rainov, T. I. (1987) O metodakh ucheta znaniia po pamiatnikam material'noi kul'tury v Srednei Azii [On the Methods of Stocktaking of Knowledge about Monuments of Material Culture in Middle Asia], in: *Pamiatniki nauki i tekhniki. 1986* [Monuments of Science and Technology. 1986]. Moskva: Nauka, pp. 182–203.
- Vavilov, S. I. (2012) *Dnevnik, 1909–1951: v 2 kn.* [Diaries, 1909–1951: in 2 vols.]. Moskva: Nauka.